

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Гуманитарный факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 9

Новополоцк
ПГУ
2018

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

ПОЭЗИЯ

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА

Ля скрыжавання вечнасці і смерці
Сустрэліся нянавісьць і любоў
Ды пачалі сварыцца, быццам дзеці:
Каму ў сусвеце валадарыць зноў!

Нянавісьць так крычала апаненцы:
“Я лютая і вострая, як нож!
І без мяне ты, як без хаты сенцы
Або як без кішэні медны грош!”

Што тут дадаць любові дабрадзейнай?
Сказала ціха: “Я заўжды адна.
Калі бываю нават безнадзейнай,
Усе ад мяне хмялеюць без віна!”

Застаўшыся пры пэўных меркаваннях,
Са злосцю разышліся хто куды,
Паабяцаўшы ў будучых спатканнях
Адзін адному не муціць вады!

Плылі гады, сыходзілі стагоддзі,
Мільгаў чарговых дзён колазварот...
Змяняліся напрамкі, асяроддзі:
Быў вечны толькі чалавечы род!

А ў ім – і гэта загадка вядома –
Суіснуюць нянавісьць і любоў.
Стабільна. Апантана. Пакрыёма.
Пакуль пульсуе ў нашых венах кроў!

Успаміны ў золкай і звонкай цішы
Зноў расселіся ў ціхай кватэры маёй
Ды ў параненай лёсам самотнай душы,
Ігнаруючы тонкі і чуйны спакой.

...Вось мы з татам па лесе вясновым бяжым
Ды збіраем ў слоік бярозавы сок.
А наўкола зямлі пекната і так хочацца жыць,
Што міжволі душа запавольвае крок.

...Вось юнацтва, вучоба, мільганне ўначы цягніка,
Што да ведаў ў горад далёкі вязе.
І не дрогне фартуны трывалай рука,
Бо па долю ўпарта стаю ў чарзе.

Год за годам шчырую на ніве працоўнай сваёй,
Набіраючы ў горсткі зярнят пакрысе,
Каб прыдбаць адмысловы душэўны спакой,
І натхненне дагнаць – хай зайздросцяць усе!

Мае госці – пяшчота і прывідны сум –
Вы сядайце і піце за шчасце да дна!
У душы разальцеца няўрымслівы тлум,
Што народжаны даўкім кілішкам віна!..

НАТАЛЛЯ ШЫПЛА

Гаманіла Мроя з Марай:
- Запляці мне валасы!
Я хачу з зямлёй узаранай
Узрастаць, як каласы.

Падымі мне рукі ўгору –
Я хачу адчуць цяпло!
Ад дажджу схаплю я мора –
Каб вышэй расло сцябло.

Вецер хай збярэ русалак –
Іх шаленства, галізна,
Спевы пра хлапцоў-каханак
Адарвуць мяне ад сна.

А калі я ў пазалоце,
Абдымуся з васільком –
Я пачую на ўзыходзе
Як жняя ідзе з сярпом.

Толькі хай яна спявае...
Хай ліецца дзіўны сон...
Ад зямлі да небакраю,
Маім марам наўздагон.

Из стихотворений последних лет

Наташе А.

На крыльях метели мечты прилетели...
Я снова в лесу, где пушистые ели,
Под снегом сгибаясь, вздыхают от груза, –
А я вспоминаю пролив Лаперуза!

Я в детстве услышал красивое слово, –
И жизнь начинается снова и снова:
Не надо мне танго, не надо мне блюза, –
Хочу я увидеть пролив Лаперуза!

Там волны играют, там ветер бунтует, –
Все беды, напасти снесёт он и сдует.
И буду я счастлив, как малые дети, –
Ах, как хорошо – Лаперуз есть на свете!

10.02.2018

На Полоте есть дивные луга, –
Таких в раю, пожалуй, не отыщешь.
Здесь каждая тропинка дорога,
Здесь каждый кустик ждёт тебя и ищет.

Здесь птичка каждая крылом тебе махнёт
И зачирикает приветливо, как другу,
И позовёт в немислимый полёт:
Давай, взлетай, – найдём тебе подругу, –

Слетаем мы к истокам Полоты,
Озёра все обмеряем играя,
Плясать и петь нам будут все цветы –
Вот это рай! И лучше нету рая!

23.03.2018

Прощай тоска! Уймись печаль!
Я путь земной свой завершаю.
Мне ничего уже не жаль, –
Жалеть чего, я сам не знаю.

Я каждый день стремился жить, –
Как будто это день последний,
Дружить старался и любить, –
И в рост стоять – не на коленях!

Любовь была, и жизнь была,
И труд был, радостный, и горький,
В труде я жизнь спалил дотла,
Но всё же светлы были зорьки!

Рассвет, закат любил встречать, –
Один, иль с девушкой, иль с другом.
Уймись тоска, замри печаль!..
А жизнь... пускай идёт по кругу!

19–21.09.2017

Так, легко играясь,
Словно понарошку,
Проторила юность
К старости дорожку.

Где ж ты, моя удаль,
Где ж ты, моя сила,
Что меня повсюду
По свету носила?

Юность не воротишь –
Что страдать без толку –
Иль заплакать хочешь,
Что прожил так долго?..

19.01–17.06. 2016

*После телефонного разговора
с Яном Лапиным*

Мечта приходит и уходит,
А грусть всегда живёт со мной, –
И в буйной радости находит,
И молча ходит за спиной.

Ну что ж, я рад тебе, подруга!
Мне скучно без тебя, краса!
Мы свыше призваны друг к другу –
Хоть я не верю в чудеса.

Но всё же чудеса бывают, –
Пусть мы им верим или нет –
Они из облаков слетают
И шлют нам пламенный привет.

И наше дело – разобраться, –
Откуда к нам привет слетел?
Об этом надо помнить, братцы, –
Пока нас бес не одолел...

6.10.2017

Гимн единству

Где б я ни скитался, ах, Русь, Беларусь,
Рифмуется вы одинаково – грусть.
Я с вами грущу, но без вас не могу –
От вас я, родимые, не убегу!

Куда бы судьба ни манила меня, –
Я с вами, родные, – до Судного дня.
Для вас я работал, и вам я служил, –
Пускай ни чинов, ни богатств не добыл.

Стою, не распятый, и жду у креста,
И совесть моя перед вами чиста.
Чтоб Русь с Беларусью сроднились навек –
На крест я готов, я – земной человек!

1.12.2017

Жизнь прекрасна. Каждый день – это чудо!
Только глаз надо зоркий иметь,
Чтобы видеть в лесу, как птички сидят на деревьях,
И как муравьи-трудолюбцы совершают работу свою,
И как пчёлы летают в полях и нектар собирают,
И как ткот паучки неустанно ловушки свои.

Жизнь прекрасна. Каждый день – это чудо!
Только слух надо чуткий иметь,
Чтобы каждую птичку прекрасную слышать,
Даже если она очень тихо поёт.

Жизнь прекрасна. Каждый день – это чудо!
Если ты сможешь, отбросив заботы свои,
Боли разных людей допустить в своё сердце,
И, мозгами раскинув, решить, – кому же ты больше нужен,
И, не ожидая награды, незаметно на помощь прийти...
9.08.2017

Милая, так я сегодня хотел услышать твой голос, –
Даже мобильник в верхний карман положил.
Но на озере вдруг увлекся пойманной рыбой,
Наклонился – и мобильник мой в озеро тихо уплыл...

Мне денег не жалко, и мобильник тоже не жалко, –
Жалко другого, – что я не услышу тебя.
Милая женщина, как нам с тобой научиться, –
Безо всяких мобильных слышать друг друга всегда!
9.08.2017

Родина

Я не прошёл все тропы на Земле,
И даже все дороги не прошёл.
Блуждал я часто в беспросветной мгле,
В потёмках мрака – что же я нашёл?

Ведь вышел я счастливым в этот мир, –
В лесу, на хуторе я испытал восторг!
И я навеки Землю полюбил, –
Волшебный мир мне крылья распростёр.

Я слышал с детства трели соловьёв,
Задиристых скворцов отважный хор,
Меня манил звенящий зов ручьёв,
Лесной уют и луговой простор.

Но только через годы понял я,
Что эту радость Родиной зовём.
Мне счастье светит – Родина моя,
И это счастье – жизнью мы зовём!
4.05.2018

На палатку, где пиво я пью,
Надвигается грозная туча.
Я не пьян – вдохновенье ловлю –
Гром гремит, и гроза неминуча.

И навстречу грозе я спешу –
Пусть остудит горящее тело.
Только душу я не остужу –
Ведь душа-то к тебе прикипела!
1.08.2016–15.08.2016

Что-то капает ночью, –
Видно, дождь моросит,
Что-то спать вроде хочется,
А душа всё не спит.

А душа-то всё мечется, –
Дождь почти проливной...
То ли это мерещится?..
То ли всё не со мной?..
30.09.2016, Минск

Снова жизнь прорастает из корня,
Коренится над пропастью жизнь.
И кто в жизни шустрей и проворней,
Тот быстрее прорывается вниз.

А где низ и где верх – все забыли, –
Суетятся и счастья хотят.
Есть на свете и сказки, и были, –
Но никто не вернётся назад.

Все грехи остаются за нами,
И все звезды за нами плывут.
И пока мы играем словами,
Годы жизни бегут и бегут.

Пробегут, улетят незаметно, –
Был мальчишка – и вот уж старик,
И всё реже ждёшь голос ответный, –
Пусть и жаловаться не привык.

Что ж сказать, завершая сказанье:
Жизнь, мой друг, не настолько проста,
Как ты думал при лунном сиянии,
Стоя с девушкой у моста...
27.04.2016

Красота, красота-то какая, –
Тихий вечер прозрачен и чист!
И мечта моя ввысь улетает.
И душа поднимается ввысь.

Только бедное бренное тело
Всё бредёт и бредёт по земле, –
Тело многого в жизни хотело –
Есть, и пить, и всегда жить в тепле.

И любить, и любить бесконечно –
День и ночь свою страсть утолять,
И легко, и светло, и безопасно
Жить – и горя, конечно, не знать.

Ну, а жизнь по-другому летела, –
Всё в труде, и в труде, и в труде.
Изнурилось в трудах мое тело, –
А мечта недоступна нигде.

И теперь я стою у обрыва
И в последний готовлюсь полёт.
Всё же, жизнь, до чего ж ты красива, –
Даже если нас счастье не ждёт!

27.04.2016

Дохнуло осенью. Но зелены деревья –
Весь август залетали к нам дожди.
Я кончил труд и праздную похмелье –
И новые труды ждут впереди.

Труды, труды, как жить без вас на свете?
Вы, как друзья, что увлекают ввысь.
На нашей странной призрачной планете
Все умирают – вечна только мысль.

Но мыслить как – мы это разве знаем?
Когда зверьками по траве ползём? –
Всю жизнь умнеем, но и умирая,
До Истины мы так и не дойдём...

22.08.2017

*Памяти Пимена Панченко – с благодарностью
за наши встречи в Полоцке и в Новополоцке и за
мудрые слова, которые помогли мне жить...*

Встаёшь с рассветом, бодрый и весёлый,
В разгоне юности, в избытке юных сил.
И скажешь: «Боже! – Я бы труд тяжёлый,
Как песню в этой жизни попросил!»

Услышал Боже: «Что ж, держись парнишка,
Не жалуйся, обратно не просись.
Работа всем найдётся в этой жизни, –
Иди, пой песни, и всю жизнь трудись!»

И чтобы смог ты силушку измерить, –
Пупок порви, но дух не потеряй.
Когда натешись ты юношеской силой, –
Умом тогда ворочать попытай.

Ум развивать и утверждать сложнее,
Чем ломиком и киркою махать,
И попотеть придётся посильнее,
Чем трёхпудовые мешки таскать.

Но коль пройдёшь ты и науку эту, –
Тебе задание дам еще больней, –
И в жизнь пошлю, придам и дар поэта,
Чтоб мог страдать и плакать за людей.

Освоишь это – дальше в путь направлю:
Своих учеников лепи и ладь, –
Когда возрадуешься, сколь они исправны, –
Поймёшь, в чём высшая есть в жизни благодать!»

28.03.2016

Там, по-прежнему, мяч в игре,
И в восторге ревёт стадион...
Листья падают в сентябре,
Где-то слышен «Осенний сон»...

Об ушедшей жизни не плачь,
Не качай седой головой.
Из далекого детства мяч
Тихо катится на угловой...

Службу несу за стеклянной стеной,
День суетливо течёт предо мной.
Думал ли юношей, книгу листая,
Жизнь пронесётся минутой одной?

Нам всем отмерян точный срок,
Когда ложиться в твердь земную.
Надеждой на судьбу иную
Не надо тешиться, дружок.

С годами краше не становимся –
В ходу такая точка зрения.
Чем меньше в зеркало мы смотримся,
Тем выше наше самомнение...

Память наша - бездонная яма...
Вспоминается снова и снова
Рюмка вермута, томик Хайяма,
И ажурная вязь босса новы.

Хлещет дождь, как из ведра,
Снова осень на дворе.
Жизнь - азартная игра,
Если смыслишь в той игре...

Прохладой вечер радует,
Луна в окошко смотрится.
Звезда, споткнувшись, падает
И спать совсем не хочется...

А хочется, как в юности,
Вдруг, вспомнив назидания,
Стараться до полуночи
Вернуться со свидания.

Я радостью своей ни с кем не поделюсь...
Пусть живёт во мне, как в золочёной клетке,
Пусть поёт, как соловей на ветке.
Я радостью своей ни с кем не поделюсь...

Мне сегодня взгрустнулось немножко,
И поэтому ночь напролёт
Чистый спирт заедаю морошкой,
Привезённой с тюменских болот.

Тихо ветка качается,
Листья солнцем подсвечены.
Снова месяц кончается, –
Пролетел незамеченным.

Дни осенними листьями
Мне под ноги бросаются,
И никак с тихой пристанью
У меня не срывается...

Опять осенняя хандра,
И на вопросы нет ответов.
И гонит ветер бабье лето,
И хлещет дождь, как из ведра.

Увы, не просто быть любимым,
И пусть никто не заблуждается –
Любовь и быт несовместимы,
И потому не уживаются...

Снова пасмурно и грустно,
В никуда ведёт дорога.
И ни письменно, ни устно
Указаний нет от Бога...

Опять осенние дожди,
Опять природы увяданье,
В круговороте мироздания
Хорошего уже не жди...

Зрелище

Влажный, тёплый летний вечер.
По асфальту льётся сталь –
Белая течёт навстречу,
Красная струится вдаль
Мимо скомканной машины
В брызгах крови и стекла.
Чад обугленной резины,
Неподвижные тела,
Красно-синий свет тревожных
Проблесковых маячков,
Инструменты служб дорожных,
Беспокойство докторов,
Суeta людей в погонах,
Красный треугольный знак
Остаются в телефонах
Проплывающих зевак.

Нельзя быть старше мертвецов

Он с юных лет был склонен к размышленью
И мудрость ставил выше всех заслуг.
Друзей покинув, позабыв подруг,
Он предпочтенье отдавал ученью.

В пропахшем свечным воском кабинете,
Средь древних книг и выцветших чернил,
Он сам себя живьём похоронил,
Ведь запах воска – это запах смерти.

Познания путь есть верный путь к страданию
(Давно о том писал Давидов сын).
Он добровольно жил всегда один,
Стремясь, невольно, к разочарованью,

Пока согбенный, с тусклыми очами,
Не Истины, но Смерти бледный лик
Он не узрел среди пожелтевших книг
В своём чертоге скорби и печали.

Наивность ему будет оправданьем
За то, что он, как многие, решил,
Что мудрость обитателей могил
Его приблизит к абсолютным знаниям.

Томов прочтя несметное число,
Мечту он не приблизил ни на йоту.
И жалких дум бесплодную работу
Измученное сердце не снесло.

Закончил путь несчастный жрец науки
И приобщился к тем, кого читал,
Напрасной жизни горестный финал
Его избавил от дальнейшей муки.

Глупцы его изучат письмена,
Растратив жизнь на бесполезный труд,
И, не постигнув Истины, умрут.
Ведь тем, кто жив, неведома Она.

Полюшко... долина

*(Песня о том, что человечество не
извлекает никаких уроков из истории)*

Полюшко...долина...
Светлая рубаха...
Вот накрыло клином.
Вот срубило махом...

Понесло по полю...
Протащило плугом...
Причастился богом,
да был проклят
другом.

Накормился вдоволь
И землёй, и правдой...
Разнеслось бедовой
песней православной.

Прорастило зёрна
Полюшко-долина...
Красная рубаха –
Да не видно клина...

Ой, земля сырая,
да широко поле..
И душа без края...
И в неволи – воля...

Народится вдоволь
И сынов, и песен...
Рушником наново
горницу завесят,

полетят там птахи
веселы-невинны –
в белые рубахи
вшьются красным клином...

2018

Девочка моя старушка

*...Так долго вместе прожили мы с ней,
что сделали из собственных теней
мы дверь себе...*

И. Бродский

Так долго были вместе, что слова
«...Ты – девочка моя!..» вросли сквозь кожу...
Неповторимы, Анна*, ты права!..
Есть синева небесная и всё же
есть милосердие Бога!... И никто
не скажет больше за Него!... Едва ли!..
Не то всё, Карл**, сегодня всё не то!!!
И порох сух, и лестницу сломали!..

О, как тебя мне научить молчать
Взамен того, что непроизносимо?..
«...Уснуть... и видеть сны...» и спать, ...и спать...
Не быть иль быть? И жить неотделимо
от нежности прошедшей и ничьей,
разбросанной по каплям, по кварталам...
«Старушка» я твоя – и этих дней
Так мало в жизни надо мне,.. так мало...

* Анна Ахматова. Имеется ввиду строки «...О, есть неповторимые слова...»

** имеется ввиду главный герой фильма «Тот самый Мюнхгаузен»

2018

Июнь

Февраль. Достать чернил и плакать!

Б. Пастернак

Июнь. Достать планшет...
Бесслётно...
Погоды нет. Пусть плачет лето
о том, что изначально создав,
Большой и Сильный предал это:

вода упрямо камень точит,
листва в осенний гной ложится.
Всё то, что предано бессрочно –
Самим обрекшим возродится...

Так за предательство в расплате
зерно и стебель, лес, ребёнок...
Трепещет жизнь.., и мне не знать ли,
на сколь иглы обломок тонок!

И в этом замысле убогом
мы отомстить не успеваем...
И – неразгаданные богом,
несовершенные – прощаем!..

июнь 2018

Михайловская осень

Мы встретились с тобой сегодня снова,
Михайловская осень-золотница!
В твоём дыханье - пушкинское слово,
Что ни с одним на свете не сравнится.

Хранительница снов, ты молодела,
Когда Татьяна юное посланье
Онегину писала неумело
О чистом чувстве робкого желанья.

Легко внимая сказочным рассказам,
Ты с нянею за мудрое веселье
Из звонких кружек выпивала разом
Наполненное русским духом зелье.

Поэту чудные свои мгновенья
Осеннего волшебного Эдема
Дарила, наполняя вдохновеньем
Его стихотворенья и поэмы.

Ты, как молитва вечная, красива,
Михайловская осень-золотница!
В тебе - неиссякаемая сила,
Ты - истинная русская царица!

Туман

Во сне танцую над полями,
Прощаясь с летом наяву,
Туман воздушными слоями
Ложился в росную траву...

Гулял по лесу без оглядки,
В ветвях запутавшись густых,
Играл с листвою пожухлой в прятки,
Во мху болотистом затих...

И, присмотревшись к силуэту
Бегущих в паре лошадей,
Туман писал картину эту,
Как живописец-чародей.

И я с ним птицей неумелой
Летела по холмам седым
Навстречу осени несмелой,
Оставив лету лёгкий дым...

Эмоцио и Рацио

Эмоцио и Рацио
На лавочке сидели.
В тени густой акации
Болтали не о деле.

- Ты знаешь, Эм, - скривился Рац,
В тебе так много пыла,
Что превращаешь, как паяц,
«Сухие» факты в «мыло»:

Зачем тебе, ну скажем так,
Над радугой грумиться?
Эмоциям твоим никак
На спектр не разложиться.

Ты раз до ста писать готов,
Переставляя строчки:
«Ромашек лучше нет цветов,
А лютики - цветочки».

А я учу законы, друг, -
Они мне не в обузу.
Не знаю творчества я мук,
Не жду часами музу.

- Я чист душой, как пионер, -
Ответил Эм упрямо.
Как объясняться, например,
Когда с тобою дама?

А как понять, зачем на свет
Рождает Бог поэтов?
В твоих законах чувства нет,
Как нет на всё ответов...

Эмоцио и Рацио
На лавочке сидели.
В тени густой акации
Болтали не о деле.

Цветки смородины

Один забор меж нами был когда-то -
Кусты смородины, что каждый год цвели.
Под ними нежились весной котята
На ласковом клочке родной земли.

Мы там стелили коврики-кроватьки
Для кукол гуттаперчевых своих,
Играли в мячик, в камушки и в прятки,
Без интернета, с детством на двоих.

Моя подружка, с кем забор был общим,
С кем все секреты юности - одни,
С кем по Михайловским гуляли рощам,
Впуская в сердце пушкинские дни,

Сейчас, уже спустя полвека целых,
Гуляет в Праге, в Беларуси - я.
Но дух цветков смородиновых белых
Сближает нас, как русская земля!

Две строки

Бежит по кругу время-колесница,
Меня поколенья и пейзаж.
И день, и ночь ему в пути не спится -
Всё крутит Землю - хрупкий шарик наш.

Привязанная к времени, кочую
По узеньким дорожкам из стекла -
Судьбы болячки мелкие врачую,
А крупные - стараюсь сжечь дотла.

Оставить в жизни след - моя задача.
Но так, чтоб на стекле не наследить,
Но Лениность, Грусть и лёгкая Удача
Стараются мне ловко навредить.

Им вторят Лесть и Слава. Дамы эти,
Красивой песней заманив меня
В свои тугие золотые сети,
Сжигают силой страстного огня.

Но оставляю за собою право
На две строки, которым не сгореть:
«Кричу я каждому мгновенью: браво,
Тому, что было, есть и будет впрямь!»

Просто

Город в расцветной осени! -
По уши в ней увяз.
Знаешь, давай забросим мы
В облако пафос фраз.

Просто - дай руку твёрдую,
Нежную, ну а я
Больше не буду гордою,
Просто - люби меня.

Буду послушной умницей,
Просто - пойдём вдвоём
Нашей знакомой улицей,
Вымытой в ночь дождём.

Ярко горят по осени
Чувства, сильнее огня.
С осени и до осени
Просто - люби меня!

Танец жизни

Как на картине француза Матисса,
В жизни немыслимом танце несёмся.
Гордо вступаем: актёры, актрисы, – рысью,
Но скоро, но скоро – споткнёмся.

Кажется нам, что летим прямо в небо,
Вихрем сметая попутно друг друга:
Нас ожидают Венера и Геба!..
Мы же – всего лишь по кругу, по кругу!

Как на картине француза Матисса...

В лица не глядя

В лица не глядя рассеянным взглядом,
Словно мы тени по улицам бродим.
Кто-то ведь дышит, шевелится рядом,
Но... мы размеренно дальше уходим.

Если б внезапно ходить научились
Плечики с модной и яркой одеждой,
Люди прохожие сразу б смутились?
Лица искали б со страхом, с надеждой?

В лица не глядя рассеянным взглядом,
Словно мы тени по улицам бродим.
Кто-то ведь счастлив, печалится рядом,
Но... мы размеренно дальше уходим.

Тогда

В бархате синем, в сияющих звёздах
Купол раскинула ночь над планетой.
Полон цветов ароматами воздух,
Кружатся искры, как бабочки летом:
Ярко пылает костёр наш походный.
Плещет речушка волной быстротечной,
Росы упали, туман же холодный
Паром поднялся над тёмною речкой,
Бледная звёздочка в воду упала...

Я и не думала вовсе об этом:
Счастье со мной на траве засыпало
Звёздной той ночью, коротким тем летом...
Я и не знала об этом.

Я — блики солнца на твоём лице,
Я — запах тела на твоей одежде,
Я — сон тревожный в темноте,
Я — мыслей рой, упавший в бездну.

И забывая, не забудь.
И вновь простившись, оставайся.
Я никогда тобой не назовусь!
И мною ты не называйся!

Обида? Брось....
С тобою ветер.....
Мне горечь чувств сжимает грудь.
Я знаю, как обманывает время,
Но мне его не обмануть...

Всё растворится, всё потухнет,
Забудешь запах наших лун,
Покинем дом наш на рассвете,
Оставив в небе бездны шум...

Ближний

Гонимые страхом,
Забыты веками,
Отчаянно гордые,
И преданно верные,
Тоскою изранены,
Мечтою вновь избраны
Безропотно нежные....
И самые ближние....
Мы вторим без умолку,
Стоим на коленях.
Отныне безумные
Взахлб дышим воздухом.
И губы иссохшие шепчут о времени
Таким беспощадном,
Таким безрассудном.

И дело не в осени,
В серости будней...
Всё дело в немых монологах,
Которые в стенах улиц безлюдных
Остались всё помнить.

Остались, остались...
Остались и мы, только где-то.
В полях вересковых мы ищем друг друга
Как будто терялись кем-то
И после....
Последние чувства на вылет.
Меняем привычные тени.
Меня ты обнимешь, мой ближний.
Я сяду к тебе на колени.
Сегодня и завтрая вечно...
Сегодня и завтра....с тобою....
Нам солнце янтарное светит,
И ангелов сонмы вторят.
Все канули в лету печали,
И мы - босоногие дети...
Мы самыми ближними стали
На этой забытой планете.

Тебе

Когда на душе твоей больно,
Когда тебя мучает совесть,
Ты знай, что мне это знакомо
И я разделю твою робость.
Я тоже ночами рыдаю
И песни пою неустанно,
Особенно если скучаю,
Особенно если мне страшно.
Твой стыд, твои слёзы и горе
Могу разделить я с тобою.
Тебя не виню за былое,
Укрою от боли собою.
Пусть всё в этом мире не вечно.
Судьба пусть бывает ничтожна.
Мы жили, порою, беспечно,
Но верили. В чудо, возможно?
Не важен мне цвет твоей кожи,
Твой статус и где обитаешь.
Не важно, ты старше, моложе,
Кого из богов почитаешь.
Ведь я — это ты. Мы едины.
Мне боль твоя, радость знакома.
Мы вместе непобедимы.
И рядом с тобою я дома.

Лети, душа моя, не падай!
Не позволяй себя пугать.
Ты солнца луч мой и отрада,
Не позволяй себя отнять.
Душа моя, ты так прекрасна!
Твой свет, искрящийся в тиши,
Мне служит вестником, и важно
Его через века нести.
Моя душа — ты моя ценность,
Мой дар от щедрого отца.
Как сохранить твою безбрежность,
Не погасить твой храм добра?
Не запятнать тебя злословьем,
Что льётся из речей людей,
И не пронзить жестокой болью,
Не осрамить твоих очей?
Душа моя, молю, не падай!
Не гасни от укора глаз.
Мне без тебя не скрыть бравадой,
Что жизнь пуста, где нету нас.
Прости меня, коль я не стою
Твоей целительной любви.
Прости, что жизнь тебе со мною
На время суждено нести.
Прими меня, душа родная,
Не позволяй меня ломать.
Не закрывай врата от рая:
Я так хочу в них побывать!
Душа моя, мне жизнь не мила,
Коли тебя со мною нет.
— Не закрывай глаза, — молила.
Каков же будет твой ответ?
Проснись, душа, открой чертоги!
Позволь познать твою красу.
Да разве ж знали злые боги,
Что я понять тебя смогу?
Душа моя, моя обитель,
Не позволяй себя кромсать.
Животворящий мой целитель,
Ты рождена, чтобы летать!

Время пса и волка

Я пою о времени пса и волка,
Сумерки опустились на город,
Смотрю в окно и жду ребёнка –
Приходит карлик, приносит холод.

Я танцую, зеркала изрезаны инеем,
Карлик настезь открыл все окна,
Свечи гаснут, дым алхимии,
Фолиант горит под вой волка.

Детский стул. В старой квартире
Карлик носится вихрем, брызгая краской.
Он на стенах рисует чёрным картины,
На двери косится, смотрит с опаской.

Я пала, чтобы встать молиться,
Ледяные руки покрыты дрожью,
Паутиной страха окутаны ноги,
Слишком долга ждала, побираясь ложью.

К утраченной вере на тёмной дороге
Я ступаю робко по липкому полу.
За дверью тихо стоит ребёнок,
В красном углу сияют иконы.

Осыпаются стены, горят картины,
Открываю двери – вновь чёрный морок.
Я кричу, я плачу, взываю к стихиям
Возвратить мне того, кто безумно дорог.

За спиной – карлика жуткий хохот,
Пустота и удары набатом в колокол.
Дверь закрылась, детский шёпот...
Я проснулась, а сердце льдом оковано.

Во сне сегодня увидел
Свою татуированную душу –
Среди мерцающих зеркал
Она таилась в мелкой луже.

В её глазах костёр пылал,
Закованный в немые строки,
Её скупой грешной оскал
Цитировал Рембо и Блока.

Я молча в луже танцевал
Под макабрические фуги,
И сам себя я проклинал
За страсть к поэзии и к муке.

Когда влечение настолько велико,
Что совладать не в силах ты с порывом,
Мой друг, ты вспомни о вине игривом
И пропасти бурлящей под обрывом!
Бросайся в чертов омут с головой,
Лови устами жадными страданья
И, погибая от нелепого желанья,
Благовари богов за смелость быть собой!

В царстве теней бреду по аллее,
В царстве немом, в царстве сомнений,
Робко ступая, в мыслях скитаюсь,
Тихо в осенней мгле растворяясь.

Здравствуй, октябрь, здравствуй, томленье
В тонком кружеве слов-привидений,
Здравствуй, октябрь, здравствуй, тоска
В объятьях ветров под пледом дождя.

Что же мы с вами в полночь станцуем
В джазовом ритме в вихре раздумий?
Иль затеряемся кротко меж строк
Листьев осенних, туманов и снов?

Я сегодня выпью кофе с небом,
молча на холодном парапете,
сидя под безлунным светом.

Я сегодня выпью кофе с ливнем,
молча в мокром старом пледе,
сидя над заснувшим миром.

Я сегодня выпью кофе с смертью,
молча вспоминая об ушедших,
сидя под небесной сетью.

Напоследок выпив кофе с жизнью,
молча улыбнусь пришедшим,
убегая к сумасшедшим...

Сердце, камнем будь,
Чёртовым кремнем стань,
Чтоб, отправляясь в путь,
Рушить обман и печаль.
Сердце, закрой на замок
Рот и пепельный дым
Птицей отправь в уголок
К демонам в адский пустырь.
Сердце, замолкни навек,
Песни не пой о тоске,
Бойся надежды, не верь,
Бренно плыва по земле.

Мотылёк

Не ищи меня в проёмах окон,
 Запечатанных зимой.
 Я теперь лишь неба сполох.
 С предрассветною зарёй.
 Буду в танце я кружиться,
 И когда настанет день,
 Я исчезну,
 В целом свете не оставив даже тень.

В тусклом свете зала ожидания
 Сверкает на щеке слеза,
 Над нами нависла печаль расставанья,
 А я всё целую любимой глаза.
 Дожди не стихают.
 Так сыро и пусто.
 Хочу поскорее запрыгнуть в вагон,
 Уехать отсюда.
 Так мило и грустно
 Со мной попрощался осенний перрон.

Опавший яблоневый сад,
 Хожу я в дымке, озираясь.
 Тебя там встретить был я рад.
 Но сон прошёл, и вновь пытаюсь
 Собрать себя в одно,
 Как чашку из разбитого сервиза.
 А всё былое так легко
 Вдруг улетело, поискрившись...
 Когда развеялся туман,
 И потерялись образы и тени,
 Просил я память: «Не оставь меня!»
 И не сотри её в дороге, время.

Рене Декарт, ты был не прав,
 Ты ход вещей напутал подчистую.
 Осмелюсь изменить твой постулат:
 Я чувствую, а значит – существую.

Цветы для Элджернона

Словномышь, заточенная в клетку,
 Словом всеми забытый зверёк,
 Я карабкался лапками вверх,
 Но прогрызть эти прутья не мог.

Каждый день под надзором врачей я
 Что есть мочи крутил колесо.
 Ощущая своё превосходство
 Крысы рядом смеялись в лицо.

Мои самые темные мысли
 На бумаге ты не найдёшь,
 Не поймёшь их сакрального смысла
 Эти мысли пробудят лишь дрожь.

Обесценен ваш труд понапрасну,
 Коль циничною стала любовь.
 Разум - лишь рудимент, ежечасно
 Оставляющий косный покров.

Я принес тебе, Элджи, ромашки.
 Солнце катится за горизонт.
 Я стараюсь всё жить во вчерашнем,
 А о будущем вижу тот сон:

Словномышь, заточенная в клетку,
 Словом всеми забытый зверёк,
 Я карабкался лапками вверх,
 Но прогрызть эти прутья не мог.

ПРОЗА

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН

ЕСТЬ ЛИ У ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БУДУЩЕЕ?

Как преподавателю литературы, мне кажется очевидным, что сегодня подавляющее большинство студентов не имеет интереса к литературе. Причём это в равной степени проявляется как на технических специальностях, так и на гуманитарных (в том числе филологических). Об этом говорит многое: на семинарах я почти никогда не слышу связного развёрнутого ответа, при написании эссе на заданную тему 90% всех работ являются копиями того, что опубликовано где-то в Сети, и, наконец, знакомству с текстом произведений студенты предпочитают чтение краткого содержания (это легко выявляется, когда дело касается литературоведческого анализа). Однако меня волнует не проблема прилежания, а также не уровень образованности студентов, как это могло показаться. Я переживаю за будущее художественной литературы и всё чаще задаюсь вопросами: Актуально ли сегодня читать книги? Рационально ли это? Может ли чтение быть интересным занятием?

Склоняясь к отрицательному ответу на эти вопросы, я поймал себя на мысли о том, что студентам не интересна именно элитарная литература, а ведь фактически только из такого рода текстов состоит образовательная программа специальности «Романо-германская филология». Стоит признать, что большинство произведений, начиная со времён античности и вплоть до XVIII века, едва ли может вызвать интерес у кого бы то ни было, за исключением учёных или фанатов. Я сам начал всерьёз интересоваться литературой лишь на третьем курсе, когда мы стали изучать авторов XIX века, однако и за последние двести лет было написано немало «нечитабельных» произведений. Вряд ли вы станете перечитывать «Улисс» Дж. Джойса, «Шум и ярость» У. Фолкнера или «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса, если, конечно, однажды сумели дочитать эти произведения до конца. Я имею в виду, что получить удовольствие от чтения таких сложных текстов крайне сложно.

С поэзией дела обстоят ещё хуже, так как на сегодняшний день этот род литературы интересен лишь истинным эстетам, а также тем, кто хочет сделать оригинальную подпись фотографии в Instagram, и у этого явления также есть своё обоснование. Суть поэзии заключается в том, чтобы выражать эмоции. Возможно, образованные аристократы XVIII-XIX веков умели получать истинное удовольствие, «ловить кайф» от погружения в описание изложенного на бумаге чувства, выполненного посредством изобретательных метафор, тонких сравнений и причудливых оксюморонов. Однако в современном мире это не работает, ведь рэп со своими простыми стихами и ритмичной музыкой давно заменил молодёжи элитарную поэзию. Удовольствие, «драйв», получаемые молодыми людьми от прослушивания такой музыки находятся на недостижимом уровне для печатной поэзии. Конечно же, отчасти это явление есть результат «необразованности масс» (люди просто не понимают истинной поэзии и, как следствие, не способны насладиться ею). Зачем же этому учиться, корпеть над книгами, тратить своё время, если можно сесть в машину, включить Басту или Miyagi и отправиться в романтическую поездку по ночному городу, отождествляя себя с лирическим героем их песен. Ведь в них точно говорится о том, что вы когда-либо переживали, чувствовали, а значит, это и есть поэзия в чистом виде, верно? Однако вернёмся к разговору о прозе.

Всем известно, что во времена СССР, который был «самой читающей страной мира», молодые люди не могли оторваться от книг Ф. Купера, Дж. Лондона, Э. Хемингуэя, Стендаля, Г. де Мопассана и других классиков мировой литературы. Мой отец рассказывал, что одолел около пятнадцати томов сочинений Дж. Голсуорси, а «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова была настольной книгой чуть ли не всех его друзей и знакомых.

Не трудно согласиться с тем, что в наши дни картина складывается совершенно другая. Как бы ханжески это ни звучало, нельзя переоценить влияние Интернета на сознание молодёжи. Можно сказать, что сегодня социальные сети так же сильно увлекают подрастающее поколение, как и книги во времена юности моего отца. Из наших разговоров о литературе я понял, что для него хорошее произведение – это то, которое обладает захватывающим сюжетом и хорошим (не заумным, не чересчур витиеватым, но и не скучным) языком. А мой преподаватель по теории литературы постоянно говорила о том, что для неё книга – это, прежде всего, путешествие в другой мир, возможность побывать на месте героя и пережить то, чего никогда не удастся испытать в реальности.

Складывается впечатление, что для людей старшего поколения чтение книг было альтернативой просмотру телесериалов в наше время. Ведь сам принцип воздействия сериала на зрителя основан на том, что мы всегда жаждем узнать, что случится в следующей серии, то есть главной составляющей успеха в данном случае является сюжет. Однако когда захватывающая история подаётся вкупе с блестящей постановкой (яркими спецэффектами, дорогими костюмами, профессиональной актёрской игрой), то сила производимого на зрителя восторга удваивается, утраивается, удесятеряется. Более того, это действительно заставляет нас

временно «удалиться» из объективной реальности и «пожить» в изображённом режиссёрами мире. Уверен, что те, кто смотрел сериалы "Сопрано", "Игра престолов" или "Во все тяжкие", согласятся со мной. Зачем представлять, как выглядят герои, основываясь на напечатанных в книге словах, заставляя мозг работать после долгого трудового дня, когда можно включить очередную серию, где за нас эта работа уже выполнена на «пять с плюсом», а нам остаётся лишь наблюдать за живой, красочной картинкой на экране?

А если нам надоедает смотреть сериал, мы возвращаемся к социальным сетям, где также занимаемся тем, что следим за развитием «сюжета» и судьбами «героев», которых здесь играют реальные (!), а не вымышленные люди, что делает этот процесс невероятно увлекательным.

Ещё одна форма досуга, составляющая конкуренцию чтению книг в молодёжной среде, – это компьютерные игры. Многие из них являются настоящими произведениями искусства, где игроку предоставляется чуть ли не абсолютная свобода действий в огромном, искусно детализированном интерактивном виртуальном мире. Вместо того чтобы следить за сюжетом романа, игрок сам участвует в развитии событий, и в итоге имеет возможность получить развязку, напрямую связанную с его предшествующими действиями.

Получается, молодёжь больше не нуждается в художественной литературе? Как же тогда обстоят дела со старшим поколением? Что ж, могу сказать, что сейчас мой отец читает книги гораздо реже, чем 30–40 лет назад, всё чаще отдавая предпочтение отдыху за просмотром сериала или игрой в шутер.

По роду моей деятельности мне часто приходится бывать в библиотеках. И я заметил, что библиотекари, работая в окружении самых разных книг, гораздо чаще предпочитают чтению просмотр сериалов, телепередач или тех же страниц «ВКонтакте» (речь идёт о людях в возрасте примерно от 35 до 60 лет). И я их отлично понимаю. Чего уж тут говорить, последние несколько лет я и сам часто изменяю знакомству с новыми литературными произведениями с просмотром видео на YouTube. Зачем читать бесконечные романы Достоевского о сложных человеческих судьбах, если можно посмотреть «Мужское Женское» или «Пусть говорят», где нам расскажут и покажут животрепещущую историю реальных людей всего за 40 минут?

Поэтому возникает закономерный вопрос: а стали бы наши родители такими начитанными людьми, если бы в их время существовал Интернет в том же виде, что и сегодня? По крайней мере, это вызывает сомнения.

Недавно я отправился в библиотеку, где в детстве брал книги Ж. Верна, Д. Дефо, куда приходил писать рефераты и делать доклады, заданные на дом. Я не был там лет пятнадцать, и этот визит вызвал у меня смешанные чувства. С одной стороны, это воспоминания о счастливом детстве и радость от присутствия на полках новеньких томов сочинений Х. Мураками и Ф. Бегбедера, пусть и в небольшом количестве. С другой стороны, это разочаровывающее подтверждение моих закономерных предположений о том, что подавляющее большинство посетителей составляют люди преклонного возраста, читающие бульварные романы ради развлечения.

Разве из всего этого следует, что художественная литература (за исключением романов Д. Донцовой и Ю. Шиловой) никому не нужна? Ждёт ли нас полное забвение элитарной литературы и вытеснение её другими видами искусства (кино, компьютерные игры, музыка)? Нет, я считаю, этого не произойдёт никогда. Во-первых, всё вышесказанное – это лишь субъективные наблюдения, хотя совершенно ясно, что чтение художественной литературы как способ времяпрепровождения не может конкурировать с виртуальной жизнью, просмотром телепередач, сериалов и даже кинофильмов.

Однако если мы говорим об элитарной литературе, то нужно отметить, что удовольствие от её восприятия никогда не было доступно широким массам, что следует из определения. Ведь для того, чтобы его получить, необходимо обладать умением «читать между строк», видеть скрытые смыслы, и это обуславливается широким кругозором читателя, а также его врождённым или приобретённым чувством прекрасного. К сожалению, последнее сегодня присуще абсолютному меньшинству, как, впрочем, и во все времена. Даже среди английских и французских аристократов огромной популярностью пользовались второсортные любовные романы.

Кроме того, делая какие-либо прогнозы, необходимо оглядываться на прошлое, а мы знаем, что в своё время фотография не заместила живопись, а кинематограф не смог искоренить театр. Поэтому можно предположить, что и художественная литература не исчезнет как вид искусства, тем более, она до сих пор является основным источником сюжетов для фильмов и сериалов, а написание оригинального или адаптированного сценария есть не что иное, как словесное творчество. Однако чтобы популяризировать элитарную литературу, писателям следует создавать произведения, которые *интересно* читать обычному среднестатистическому человеку. Если вспомнить авторов, которые пользовались популярностью в советское время, когда наши родители были юными, то на ум сразу же приходят имена Ф. Купера, Дж. Лондона, М. Рида, А. Конан Дойла, М. Твена. Всё это мастера слова, которые умели *хорошо рассказать историю*, что и привлекало в их произведениях читателей всех возрастов и обладающих разным кругозором. Я не утверждаю, что художественная литература должна вернуться к реализму XIX века, но ей необходимо быть более простой, доступной и главное – *увлекательной*.

Да, постмодернисты создают многоуровневые тексты, которые, с одной стороны, представляют интерес для обывателя, обладая закрученным сюжетом, а с другой, содержат такое количество отсылок и аллюзий, что осмыслить такое произведение полностью способен далеко не каждый доктор филологических наук. Обратимся за примерами к знаковым постмодернистским романам из университетской программы изучения мировой литературы.

1) *"История мира в 10 1/2 главах"* Дж. Барнса. Абсолютно скучные, бессюжетные рассказы, лишённые привлекательности для читателя, не имеющего достаточно глубоких знаний Библии.

2) *"Имя розы"* У. Эко. «Увлекательный» детектив и энциклопедия Средневековья в одном флаконе. Слово «увлекательный» неслучайно взято в кавычки, так как невозможно увлечь рядового читателя детективной историей, растянутой более чем на полтысячи страниц, половину из которых занимают описания и рассуждения, сдобренные огромным количеством культурных отсылок и интертекста.

3) *"Хазарский словарь"* М. Павича. Интерес читателя могут вызвать лишь гиперссылки, на которых построен роман. Однако играть с ними быстро надоедает. Содержание представляет собой посредственное фэнтези, которому любой предпочтёт «Властелина колец» или «Гарри Поттера».

Однако сегодня мы наблюдаем закат эпохи постмодернизма и стоим на пороге новой эры, культурное состояние которой уже окрестили «постпостмодернизмом», или «метамодернизмом». В литературе переход к метамодернизму часто связывается с появлением и распространением направления «новая искренность», реакции на не наступивший «конец истории». Суть направления состоит в том, чтобы отойти от постмодернистской концепции, основанной на пародийности, иронии, принципах существования множества истин, отрицания авторитета канонов и обратиться к классическим традициям, вечным человеческим ценностям, принципу однозначности трактовок. М. Моутс говорит о том, что задачей Д. Уоллеса, основоположника «новой искренности» в США, является создание развлекательного произведения, в котором затрагиваются злободневные темы. Д. Пригов подчёркивает, что «новая искренность» есть обращение к проблемам «человека неисключительного в неисключительном состоянии». Действительно, современные авторы, реально пользующиеся большой популярностью у читателей (Ф. Бегбедер, М. Уэльбек, Е. Гришковец) ставят во главу угла захватывающую искусно рассказанную *историю*, затрагивающую проблемы типичных представителей различных слоёв современного общества. При этом писатели также прибегают к иронии, интертекстуальности, игре, однако эти постмодернистские элементы отодвигаются ими на второй план по отношению к событийной стороне произведения. В философском плане основным курсом «новой искренности» является изменение мира к лучшему посредством отказа от кривляний души, возрождению общечеловеческой морали и права не бояться быть честными, сочувствующими, уязвимыми. Едва ли такие идеи не придутся по нраву человеку, живущему в сумасшествии современного мира.

Таким образом, постмодернизм не стал последним витком мирового литературного процесса, и это делает очевидным тот факт, что как вид искусства художественная литература продолжает развиваться, а её забвения не предвидится ещё долгое время, так как писатели были и остаются выразителями духа времени, а художественные тексты и сейчас являются своеобразной «летописью» дней.

Очевидным также представляется и то, что в наши дни литературные произведения становятся более доступными и интересными широким массам, не теряя при этом актуальности и глубины смысла. Во многом это происходит благодаря мастерам "новой искренности", которые имеют все шансы реанимировать всеобщий интерес к художественной литературе.

ЕЛЕНА ГЕНДЖАЕВА

Предновогодняя неразбериха. Начало

– Туда!

Майка опять поскользнулась и повисла у меня на руке.

Я нагнулся, чтобы отряхнуть с неё снег.

– Ну, туда!

До Нового Года ещё далеко, но догадливые коммерсанты уже обернули фургончик-кофейню на площади мерцающей гирляндой. К этой импровизированной ёлке Майку тянуло как магнитом.

Пахло морозцем, кофе и пряниками с корицей. Гирлянда отражалась в широко раскрытых Майкиных глазах. Она двумя руками держала стакан с порошковым молоком. Стакан чуть-чуть выскальзывал из новых варежек с вышитыми грубыми нитками пластилиновым дворником и собакой, но варежки слишком нравились Майке, чтобы снимать их даже дома, а молоко ещё не остыло.

У меня мёрзли ноги. Мелькнула мысль не идти со своим счастливым недоразумением домой через парк. Обойти мимо палатки, откуда маленькая принцесса выйдет в кошачьих ушах и плаще из мерцающего дождика, а я – в истерике и с пустым кошельком. Я судорожно оглянулся в поисках выхода.

Книжный магазинчик поодаль приветливо светил окнами, и я решился на маневр.

Если бы Майка была взрослой, она бы канючила и тянула меня за руку, пока я не перестал бы смотреть туда, но, пока человек маленький, она не против соблазнов, потому что не платит за них.

Пустой стаканчик упал на снег, я посадил смеющуюся Майку себе на плечи и повернул к киоску.

Несмотря на позднее время, очередь была.

Если совсем искренне – мы с Майкой – одного поля ягоды. Если красивая игрушка попадает к нам в руки, всё остальное кино вокруг выключается. Хотя... Не на что жаловаться – обычная болезнь посетителей книжных киосков. Взял в руки дайджест – и стой себе, пока кассир не окликнет. Даже Майка, вопреки обыкновению, не щебетала, глотая воздух и зарабатывая ангину, а молча и сосредоточенно ёрзала, устраиваясь поудобнее на моих плечах.

Если бы я мог предсказывать будущее чуть больше, чем любой регулярный посетитель gismeteo, я бы обернулся. Но я не могу. Очередь вкусно хрустела страницами, поглощая вечерний дайджест, и колоритный персонаж за моей спиной остался вне поля моего зрения.

Совершенно напрасно. Потому что для Майки это была игрушка похлеще, чем для меня дайджест. Игрушка, (увлечённая)украшенная россыпью букв на глянцевой странице и поэтому беззащитная перед желанием ею владеть. (неистощимой изобретательностью.) Не знаю, что уж там было. Но, когда мы вышли из магазинчика, я заорал, потому что мне на лицо упало что-то металлическое и предположительно острое. Потом ещё. Потом коробочка.

Коробочка пребольно треснула меня по переносице и раскрылась в полёте. Это были магнитные шахматы. Падая, они проваливались в рыхлый снег и ускользали между моими пальцами. К тому же Майка вцепилась мертвой хваткой мне в уши, чтобы не свалиться, когда я резко присел за потерей. Надежда сберечь заначку на посиделки с друзьями таяла – если хозяева шахмат предъявят счёт, ещё и в минусе останусь. Я запаниковал. Шахмат не хватало. Нужно было глубоко продышаться, аккуратно ссадить Майку, чтобы она при этом никуда не сбегала, достать телефон – я надеялся, что зарядки хватит на фонарик и недостающие шахматные фигуры найдутся.

Пока план действий зрел в моей голове, дверь книжного открылась и что-то тёмное и тяжелое стремительно рухнуло сверху. Майка пискнула и скатилась с моей шеи на землю. Я завалился на бок в противоположную сторону, чтобы не придавить её, и пальцы рефлекторно сжались на ледяных кольцах железных ножниц, которые что-то делали рядом со мной в снегу. Майка опомнилась от неожиданности и взвыла во весь голос.

– Ой, извините. – Голос нападающего оказался не страшным, скорее растерянным. Эдакий почтальон Печкин в молодости. Шапка отлетела в сторону, клетчатое пальто кое-где осталось без пуговиц, а почтальонская сумка была без застёжки и вовсе не почтальонская, скорее футляр от непонятого мне музыкального инструмента, из которого лавиной сыпались на снег железяки.

– Ваше? – Я протянул ему ножницы.

Печкин кивнул, сунул ножницы в футляр, из которого и так много что падало, и попытался встать. После чего стало понятно, что настольная книгаgrossмейстера, на которую он так мягко приземлился, помялась и промокла до трудночитаемого состояния.

– И удосужило же меня из дому выйти, – буркнул Печкин, глядя, почему-то, на Майку, которая затихла, видно, и уже прикидывала втихаря, как подобраться к его железу.

ИРИНА АНДРЕЕВА,

СЕРГЕЙ ШИДЛОВСКИЙ

НАРЯДНЫЙ ЗЯБЛИК И ЕГО ДРУЗЬЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Посвящается Полоцкой станции юннатов

Появление Измышления

Шиншилла Измышление жила в Санкт-Петербурге. Почему её так звали? Измышлением назвала её хозяйка-психолог, которая знала много необычных слов. Хозяйка Маша уехала на лето отдыхать за границу, а шиншилла попросилась в клуб дружбы животных и приехала в Живой уголок, чтобы найти друзей.

Шиншилла была маленькая, большеухая, с тёмной пушистой шёрсткой, и длинным тонким хвостом. На хвосте Измышление носила серебряное колечко – подарок Маши. Шиншилла была очень застенчива, до сих пор ни с кем, кроме своей хозяйки, она не общалась.

Путь из Петербурга в Полоцк, как известно, неблизкий. Когда шиншилла появилась в Живом уголке, был уже вечер. Белочка Фуфа чистила свою шубку, Зяблик и Воробыш клевали носами, а пони Лосик, ещё один

обитатель Живого уголка, тихо вздыхал в углу, вспоминая о том, какая хорошая погода была сегодня, и заранее сожалел о том, что когда-нибудь наступит осень и пойдет дождь.

Шиншилла тихо вползла в комнату и прошептала: «Здравствуйте!». Получилось что-то похожее на шелест ветра за окном. Фуфа буркнула себе под нос: «Опять ветер подул, наверно, похолодает». «Похолодает, как пить дать!» – эхом отозвался Воробыш, пряча клюв под крыло. Он вспомнил, что сегодня комары не занимались толчением мака и закат был жёлтый, как булочка с маслом, – верные признаки непогоды.

Измышление опять повторила: «Здравствуйте!». На этот раз получилось что-то похожее на шипение. Тут насторожился Зяблик: он, хотя и слыл смельчаком, не боявшимся щекотки, змей побаивался. Однако ничего не произошло, и Фьюти успокоился.

«Здравствуйте!» – чуть громче прошелестела шиншилла, но в тот же момент белка уронила гребешок, которым расчесывала хвост. Воробыш поймал его на лету, и на приветствие Измышления опять не обратили внимания.

Тут шиншилла чирикнула (Воробыш оглянулся в поисках собрата по разуму) и довольно громко произнесла «До свидания!» и побежала к выходу. Все разом уставились на пушистый клубок, длинный хвост которого, извиваясь, загадочно поблескивал серебристым колечком. «Ой, у нас тут мыши!» – закричала Фуфа. «Я не мыши, я Измышление!» – обернувшись, прорычала сердитая шиншилла. – Можно звать меня Мысь, но никак не мышь!»

– А ты из какого семейства? – спросил Фьюти. С недавних пор он по совету родителей интересовался родословными.

– Я шиншилла, из семейства грызунов, – севшим голосом прошептала шиншилла.

– Ой, так мы с тобой родственники!» – закричала белка. – Но что-то сходства особого не наблюдаю.

– Так вы, наверно, двоюродные, а может, даже троюродные, вот и не похожи, – рассудительно произнес Зяблик. – Мы с Воробышем ведь тоже седьмая вода на киселе.

– Но зато родные души, – добавил Воробыш.

– Ты будешь чай? – растягивая слова, произнес пони Лосик. Вообще-то ему хотелось спать, но он знал, что гостей принято угощать чаем.

– А разве у нас есть заварка? – поинтересовалась белка.

– А разве мы, зверята, вообще пьем чай? – задал сам себе риторический вопрос пони. – Это ребята его пьют. А ещё компот...

– Вот заладил, чай-чай. Накормить с дороги надо гостью, – авторитетно заявил Воробыш.

– Букашу будешь? – не растерялся Фьюти. – Или тараканские блинчики? Вкуснятина! Мне мама вчера прислала, угощайся.

– Я не ем букашек и никогда не пробовала тараканские блинчики. Не знаю, что это, но не думаю, что мне их можно есть, – покачав головой, ответила Мысь.

– Возьми орех, – предложила белка. – Грецкий.

Шиншилла теперь покачала хвостом справа налево. Видимо, это означало «нет».

– А хочешь овса? Он очень полезен при гастрите, – меланхолично предложил пони.

– У меня нет гастрита. Спасибо, но я перед едой обычно чищу зубы. У вас нет мела или палочек берёзы?

– У нас и зубов-то нет, – сказал Воробыш.

– А еще я хочу ванну принять с дороги. Вы увидите, какой красивой я тогда стану.

– Вот привереда, – сказала сама себе белка. – Нет у нас тут ванн. Не озаботились.

– Так что ты будешь на ужин? – спросил Зяблик, возвращая друзей к теме гостеприимства.

– Изюм, курагу, чернослив, можно шиповник.

– А плюшку тебе маслом не намазать? – себе под нос пробормотала белка.

– Нельзя так с гостей, Фуфа. Она ведь долгую дорогу проделала, устала, проголодалась, – укоризненно сказал Воробыш.

– Извините, я просто очень спать хочу. Фьюти, слетай на кормушку. Сегодня Арсений булочки ел. Там, должно быть, изюм еще остался. Принеси, будь другом, – нашлась белка.

– А у меня есть большая поилка. Может быть, тебе для ванны подойдет? – спросил пони. – Воды принести?

– Мне нужна ванна из песка, – смущенно произнесла Мысь.

– Это не проблема. На берегу его полно. Сейчас схожу, – сказал Лосик и, взяв в зубы ведро, поковылял к реке.

– А у меня есть гребешок. Новый совсем, не пользованный. После ванны расчешешься, – уже более дружелюбно предложила Фуфа. – А потом я дам тебе свой беретик померить, хочешь?

Измышление кивнула своей мохнатой головой, смешно встряхнув большими ушами. В её уставших глазках мелькнуло что-то похожее на симпатию, а может, это был огонек зарождающейся дружбы.

– А я тебе – свое колечко, – застенчиво предложила Измышление.

Белка довольно потёрла лапками, затем, покопавшись в кармане шортиков, вытащила пару немного подсохших ягод шиповника и протянула их шиншилле.

Мысь заметила, что все её новые знакомые были разными по характеру, они иногда веселились, иногда сердились, но в каждом из них был маленький кусочек тёплого солнышка.

Сила музыки

Хозяйка Мыси Маша была не просто психологом, а профессором психологии. Правда работа у неё была какая-то необычная: к ней приходили люди и рассказывали ей сны. Маша выпивала с ними невообразимое количество кофе! В последнее время зачастила какая-то Аннетт (два «н» и два «т» – не выговорить!), дама с лёгким налетом таинственности. Этот налёт ей придавал шарф, похожий на хвост старого песца. Она всегда говорила об этом предмете туалета «Моя шиншилла». Мысь утешала себя тем, что мех не напоминал ей никого из сородичей, но в глубине души она эту Анюту недолюбливала. Так вот, эта дама видела сны в неимоверном количестве и большинство из них пересказывала хозяйке-психологу: при встрече и по телефону. Разговор обычно начинался так «О, это был такой сон...» или «Это целый роман во сне, можете себе представить». Мысь слушала и не понимала, почему хозяйка терпит эту болтушку. Но профессор психологии реагировала странно. Она всегда говорила: «Какой роскошный материал!» или «Это надо про-интер-пре-тировать!» и шла что-то писать. Мысь однажды так разнервничалась, слушая сны Аннетт, что от волнения изгрызла рукопись хозяйки. Маша расстроилась и вместо любимого лакомства шиншиллы, сухих чайных листьев, насыпала ей в блюдце какой-то невкусный витаминный комплекс. Тогда Измышление надулась («как мышь на крупу», сказала Маша) и целый вечер сидела хвостом к хозяйке, а мордочкой к стенке. А Маша со смехом её уговаривала: «Повернись ко мне передом, а к лесу задом!».

Несмотря на несходство характеров, застенчивая Мысь и общительная Маша любили друг друга и всегда скучали друг без друга. Вот и теперь, немного освоившись в Живом уголке, шиншилла ждала письма от своей хозяйки, но оно всё не приходило. Мысь поделилась своими переживаниями с белочкой Фуфой:

– Знаешь, Фуфа, мне хозяйка что-то не пишет...

– Так может, она потерялась? – предположила Белка.

– Как потерялась?

– Ну, ты сама рассказывала, что Петербург – большой город, в нём человек может так же потеряться, как орех среди еловых шишек.

– Нет, такого не может быть, – задумчиво произнесла шиншилла. – Она ведь выросла в этом городе. Может, она мой теперешний адрес потеряла?

– Это не важно, кто, что и где потерял, главное, что нет контакта, как сказала одна сорока. Нет контакта – значит надо его наладить.

– Как же это сделать?

– Сорока говорила, что, когда кто-то потерялся, надо развесить объявления.

– Объявления? Но их же еще надо написать? А мы не умеем...

– Напишем! У нас Зяблик умеет, он птичью певческую школу закончил.

– А что мы напишем в объявлении?

– Потерялась хозяйка шиншиллы. Очень пушистой и симпатичной.

– Но надо, наверно, указать, как её зовут...

– А как зовут твою хозяйку?

– Маша. Она психолог.

– Значит, так. Потерялась хозяйка шиншиллы, очень пушистой и симпатичной. Зовут Маша, психолог.

– Давай добавим: шиншилла очень скучает.

– Давай. Шиншилла Измышление очень скучает, так как мало ласки получает.

– Как хорошо ты сочиняешь письма, Белка. Где ты научилась?

– У меня природный талант. Ну, так пошли к Зяблику.

Зяблик сидел на берёзе и сочинял новую песню. Трель у него получалась хорошо, но вот «росчерк» не очень. Фьюти немного простыл, и иногда вместо необходимой в таком случае «кинжальной» концовки у него выходило «кхе-кхе». Но его это не смущало, и он продолжал репетировать, время от времени делая перерывы, чтобы прополоскать горлышко настойкой из сосновых почек. Мама говорила, что для голоса такая настойка целительна.

Белка из-за важности вопроса решила начать без всякого вступления:

– Эй! Шиншилле помощь нужна, – закричала она что есть мочи.

Зяблик пошатнулся и едва не свалился с ветки от неожиданности. Настойка выплеснулась Фуфе прямо на беретку. Фуфа обиженно тряхнула головой:

– А поосторожнее никак нельзя?

– Фуфа, а ты не можешь повежливее? Ты же видишь, я пою... Кстати, здравствуй!

– Здравья и тебе! Вон как охрип. Но дело срочное, Измышлению письмо написать надо. У неё хозяйка потерялась. Ты же единственный в нашей компании грамоту знаешь. Вот мы и пришли.

Зяблик задумался. Писать по-русски (так же, как и на любом другом нормальном языке) он никогда не учился. Пришлось признаться:

– Рад помочь Мыси, но я знаю только нотную грамоту.

Однако белка не растерялась. Заправляя растрепавшуюся чёлку под беретку, она произнесла:

– Напиши, как можешь. А мы объявления расклеим. Жалко ведь шиншиллу, она изнервничалась вся.

Фьюти не носил с собой ручку: он был из тех музыкантов, которые все ноты держат в голове. Закрыв глаза, он видел перед собой нотный стан, а добавить или убрать с него какую-либо ноту мог посредством воображения. Но здесь был не тот случай. Зяблик пожертвовал яркое перышко из своего наряда и обмакнул его в чернила из орешков дуба, которые вместе с кусочком бересты притащила с собой предусмотрительная белка.

– А что писать-то?

– Пиши так. Потерялась хозяйка шиншиллы, очень пушистой и симпатичной. Психолог, зовут Маша. Шиншилла Измышление скучает – мало ласки получает. Пусть придет поскорей, ведь шиншилла дружит с ней.

Зяблик задумался. Отдельными нотами такие слова не запишешь. Значит, это должна быть песня. Это не так легко – написать стоящую песню. Но Фьюти видел перед собой маленькую растерянную шиншиллу, в глазах у которой светилась искренняя просьба «Помоги, Фьюти!». Он почувствовал тепло дружбы, потом холод одиночества и тоску ожидания – и вот оно! В голове зазвучала музыка, а перышко забегало по бересте. Даже горло прошло без всяких настоек.

Объявления, написанные нотной грамотой, развешивали белка (прыгая с ветки на ветку) и шиншилла (суется у корней деревьев). Поэтому листочки бумаги висели на деревьях или очень высоко или слишком низко. Люди их, конечно, никак не могли увидеть. И было бы чудом, если бы, даже заметив на дереве бумажный листок, кто-то догадался доставить его в Санкт-Петербург. А уж прочитать...

Но однажды дверь Живого уголка распахнулась, и на пороге появилась высокая ярко-рыжая женщина в больших очках с объёмистой дорожной сумкой через плечо. Из сумки выглядывала стопка каких-то бумаг. Женщина споткнулась носком потрёпанной кроссовки о коврик на входе, очки съехали с носа и едва не брякнулись о пол. Но она, ловко подхватив их на лету, улыбнулась и пробормотала себе под нос: «Вот и пороги раньше были ниже...». Мысь, к удивлению друзей, с разбегу прыгнула ей на руки. Это была Маша, хозяйка Измышления.

– Как же я соскучилась, – растроганно говорила Маша, поглаживая темную шерстку Мыси. – Только приехала домой, распахнула окно, и вдруг слышу: какой-то питерский зяблик поет, да так трогательно. Тут я и вспомнила тебя, Мысь, и, даже не раздевшись, стала звонить на вокзал заказывать билет до этой ... Екимании или Экимани, неважно. И вот я здесь.

– Смотри-ка, – шепнула довольная Фуфа Зяблику. – Я же говорила: пиши объявление.

– Знакомся: это мои друзья из Живого уголка, – шепнула Мысь, прижавшись всем тельцем к хозяйке.

– Здравствуйте, мы рады Вас видеть, – вежливо произнёс Фьюти человеческим голосом с соответствующей интонацией. Зябликовый акцент был почти не заметен. У Фьюти, как и у многих музыкантов, были несомненные способности к языкам. А интонация была заимствована у директрисы Живого уголка: таким же важным и низким голосом она обращалась к высокопоставленным гостям.

– Ой, здравствуйте! – смутилась Маша, едва не споткнувшись о коврик от неожиданности и удивлённо осматриваясь. Её окружали маленькие друзья ее любимой шиншиллы, которые смотрели на неё заинтересованно и доброжелательно.

– А хотите, я Вас покатаю? – не к месту предложил пони Лосик, и вся эта разношерстная в прямом смысле этого слова компания весело рассмеялась.

257СМ

Трещина

Старый диван с пропитанной пылью обивкой, небрежно накрытый дырявым пледом с огромными розами, никогда ему не нравился. Спать там было неудобно, из-за чего он постоянно мучился сильными болями в шее и спине.

Единственным полезным свойством дивана было то, что он скрывал огромный кусок содранных обоев, казавшийся совсем уж отвратительным в и без того не слишком уютной комнате. Спинка дивана вплотную прижималась к стене, так тесно, что за ней вряд ли бы смог прошмыгнуть даже таракан.

Поэтому он очень удивился, когда диван всё же пришлось отодвинуть. За ним он увидел свой собственный труп.

Он был одет в тот же изношенный серый костюм, который за годы работы, казалось, стал его второй кожей. Розовый галстук, напоминающий мягкий кусок колбасы, раскатанный скалкой, безвольно свисал с опухшей шеи. Толстые пальцы застыли, согнувшись подобно крючкам для полотенца.

Особенно его заинтересовали глаза. Они в принципе ему не нравились: ни свои, ни чужие. Он считал, что это самая отвратительная часть тела человека, и лишний раз старался не смотреть кому-то прямо в глаза при разговоре. Но сейчас он просто не мог оторваться от неестественно выпуклых, закатанных вверх стеклянных шариков. Бездонные провалы чёрных зрачков казались бесконечными.

Странно, но от тела ничем не пахло. Оно выглядело как манекен, искусно сделанная кукла-урод. Он нахмурился, разросшиеся, кустистые седоватые брови практически опустились до век. Впервые в жизни его охватило странное чувство горькой несправедливости. Он никогда раньше не думал, что выглядит так отвратительно со стороны.

Редкие серые волосы, прорезанная ветряночными шрамами тёмная кожа. Тонких губ практически не видно из-за нависшего над ними крючковатого, расплывшегося, как блин, носа. *И опять эти глаза.* Агонически выпученные, пустые, водянистые. Если это зеркало души, то сразу можно понять, что никакой души здесь и в помине нет. «Даже на дохлую рыбу смотреть приятнее», – невольно подумал он.

Не отрывая взгляда от тела, он поднялся и направился в кухню. Десяти минут в компании одинаково бродившего по столу таракана хватило, чтобы немного развеяться и отвлечься от нагнетающих мыслей. Он повеселел, выкурил дешёвую сигарету и, нашарив босыми, выпачканными в пыли ногами стоптанные тапки, вернулся в комнату.

Труп никуда не исчез. Напряжённо скрюченный, он лежал на том же самом месте. Казалось, хватит одного касания, чтобы он рассыпался на тысячи кусков гнилой плоти.

Он осторожно прошёл мимо тела несколько раз, на одном и том же месте споткнувшись о сбившийся ковёр. Может быть, он действительно умер и сейчас просто наблюдает за собой со стороны? Он крепко ущипнул себя за предплечье и поморщился. Поверить в это он, человек, всю жизнь работавший с цифрами, привыкший к точности, просто не мог.

Он с трудом отвёл взгляд от трупа и уставился на потёртый узор на обоях. Попытался вспомнить все отчёты, сделанные им за все тридцать лет работы. Бесконечные столбики цифр, идеальные графики – всё это действовало на него наркотически, с лихвой заменяло алкоголь.

Бетти – *боже мой, имя такое же дурацкое, как и она сама* – часто говорила, что он никогда не видел ничего дальше своих расчётов. Это её очень сильно обижало. Она считала себя обделённой вниманием и поэтому не стеснялась искать это недостающее чувство нужности у других мужчин. Сначала он ревновал, пытался выяснять отношения. Потом сдался. Он никогда не умел бороться за то, чем хотел обладать. Впрочем, в случае с Бетти можно было даже не пытаться: она давно перестала быть ему интересной.

Но где она сейчас?..

Небось просиживает с подружками в кафе или шатается по магазинам. На большее у неё ума не хватало. О том, что она может быть сейчас с кем-то другим, он старался не думать. В нём удивительным образом сталкивались полное безразличие к судьбе Бетти и желание знать, что с ней происходит. Может, следует ей позвонить? Она определённо удивится. И даже обрадуется: он практически не радовал её звонками.

Он потянулся к телефону и тут же отдернул руку. Телефон валялся около примятой подушки на диване. Он крепко зажмурился, потёр глаза. Он ещё слабо надеялся на то, что ему всё это кажется. Вдруг он вообще до сих пор спит? Это вполне возможно, ведь врач предупреждал, что новое лекарство самыми странными образами может воздействовать на сон.

Он опустил взгляд на предплечье – кожа вокруг яркого синяка налилась болезненной краснотой. Нет. Не сон.

Резкий дверной звонок прошёлся по нему, как электрический разряд; он вздрогнул, подскочил и нервно заметался по комнате. Гостей у него практически никогда не бывало, и это вполне могла быть мама, которую выгнал очередной любовник. Сколько раз она уже вваливалась к нему в квартиру, отвратительно дряхлая, с всклокоченными седыми лохмами, но алой помадой на губах? Она искренне считала, что такой макияж делает её привлекательнее, но он делал её в разы уродливее.

Он нервно попытался оттащить труп к другому краю комнаты. Трясущиеся ладони не слушались, помятая ткань пиджака неприятно хрустела под пальцами. Он весил не больше шестидесяти килограмм, но тело, неаккуратной кучей развалившееся на ковре, упорно не желало даже немного двигаться с места. От звука дверного звонка начало звенеть где-то в голове, перед глазами запрыгали белые точки.

Он бросил бесплодные попытки перетащить труп и ринулся к двери. Жадно припав к глазку, встретился взглядом с пожилой соседкой сверху, в руках которой были какие-то пестрые бумажки.

Чертova сектантка.

Он отступил и затаил дыхание. Он чувствовал, что старуха знает, что он дома. Он чувствовал, что она знает, что именно лежит в его гостиной. Он чувствовал, что весь дом, вся улица, весь город, *весь мир* знает об этом. От этого странного, по-дикому резкого чувства невозможно было спрятаться. Он сделал ещё несколько шагов назад и постыдно спрятался за дверь в кухню.

Когда звонок наконец затих, тишина показалась ему спасением.

Вернувшись в гостиную, он неловко задел стоявшую на комодке бронзовую фигурку в виде плывущего в лодке сгорбленного человека. Он подарил её себе сам несколько недель назад, когда ему исполнилось пятьдесят. Она была абсолютно нелепой, неаккуратно выполненной, и весь её вид вызывал лишь желание поставить её в самый дальний угол шкафа, но он зачем-то поставил её на самое видное место.

Фигурка с глухим стуком упала на пол. Откололась бронзовая рука, державшая весло. Он заметил, что её пальцы сделаны в форме костей.

Он почесал нос и наконец обратил внимание на то, что отличало его от лежавшего на полу тела. На его впавшей щеке тремя красными полосами светились длинные ссадины. Несколько дней назад ему снилось, как взбешённая фурия, называющая себя его матерью, ворвалась в его квартиру, кричала что-то о том, что он зря *это* сделал, и в итоге ударила по щеке. Удар был настолько ощутимым, что когда он проснулся, кожа пылала.

Но это не случилось с ним на самом деле. Это было внушение, не более того.

Он присел рядом с трупом и тяжело вздохнул. Нахождение тела в его квартире перестало быть чем-то странным. Наоборот, он даже привык к нему. Тело не окружала аура смерти; квартира почему-то даже стала уютнее. Он пожалел, что нельзя вечно сидеть вот так, в компании единственного человека, который его понимает.

Недолго думая, он точно так же распростёрся на ковре и закрыл глаза. Чувство удовлетворения смешалось с чувством защищённости. Ему показалось, что он всё-таки не один в этом мире. Что кто-то где-то его ждёт.

Ладонью он нащупал в длинном грязном ворсе обезображенную после падения фигурку старика и крепче сжал её. Что-то подсказывало, что это просто *необходимо*.

Облегчение мягкой волной ласково обняло его.

Бетти Миллер, симпатичная женщина сорока пяти лет, не могла сказать ни слова с тех пор, как открыла полиции дверь. Она давилась слезами, растирала косметику по пухлым щекам и постоянно громко всхлипывала.

Тело её любовника, господина Л., несколько дней пролежало в гостиной на полу. По предварительному заключению, причиной смерти стала передозировка сердечными препаратами. В его руке крепко была зажата статуэтка. Эксперт мимоходом бросил, что она изображает Харона.

Вскоре Бетти нашла в себе силы рассказать, что недавно умерла мать господина Л. и его соседка сверху. Каждая из них, сообщила она, точно так же оставались в своих квартирах до тех пор, пока их не обнаружили.

– Он был очень одинок, – добавила Бетти.

Но на это всем было абсолютно наплевать.

КОЛОБОВА ИРА

ИГРА

Пролог

– Дэниэл! – грозно прикрикнула учительница. – А ну немедленно повтори всё то, что я сейчас сказала!

Ребёнок послушно встал из-за парты и, пристыженно опустив голову, будто раскаявшийся преступник, произнёс:

– Вы... вы говорили о нас, о детях... О том, что мы – ваше долгожданное будущее... О том, что мы – ваша трепетная надежда... О том... – неясная полуулыбка появилась на лице мальчика, – что все мы – маленькие, нежно выпестованные плоды любви наших родителей и любви всего человечества... Но вы забыли сказать об одном... О том, что мы – другие...

Глава 1

В Мортемфилде¹ никогда не бывает шумно. Этот город так безжизненно тих и пуст, что каждый звук, будь то лёгкая трель птицы или нечаянно брошенное слово, отзывается по его углам глухим угасающим эхом. В усталом мычании коров, живущих на ферме, теряется неровное шарканье чьих-то шагов, а редкий смех уносится ветром в дрожащие кроны деревьев, где никем не услышанный погибает. А на закате многие вещи

¹ Мортемфилд (лат. mortem – смерть) и (англ. field – поле).

искажаются, обретая непривычные черты, превращаясь в настоящие произведения искусства, заботливо выточенные солнечными лучами.

Пройдя безмолвный школьный двор, Дэнни оказался у запыленной дороги и, проводив взглядом дворняжку, одиноко бежавшую вдоль улицы, свернул и пошёл в сторону дома, где его уже, вероятно, ждала тётя и любимый плюшевый кролик на книжной полке – единственный друг и скромный хранитель детских снов.

Совсем недавно Дэниэлю исполнилось двенадцать, хотя он был совершенно равнодушен к этому, ведь, в конце концов, в его унылой жизни в Мортемфилде ничего не изменилось. Он приехал сюда менее года назад, осенью. Дэнни помнил и грустную прохладу автомобильного окна, и разговоры родителей о долгой командировке; вспоминал мальчик и то, как любезно и апатично встречал их сонный Мортемфилд – провинциальный городок, который вскоре намеревался стать для Дэниэла новым домом...

Тётя Дэнни – Саманта, или попросту тётка Сэм, – вдова, женщина работающая и весьма строгая, но, несмотря на все наставления и замечания, мальчик трепетно привязался к ней и даже успел полюбить, почти как мать. Очень часто, по вечерам, Дэнни, сидя на крыльце, слушал шуршащее стрекотание насекомых и глубоко вдыхал запах сухой земли. Один он ждал возвращения тётки с красильной фабрики, с надеждой предвкушая, как её пропахшие краской загрубевшие руки взъерошат его растрёпанные волосы, так мягко, так нежно, так невинно...

Проходя мимо старой автобусной остановки, Дэнни увидел двух близнецов из параллельного класса, убивающих время в безынтересном молчании: мальчик, увлечённый какой-то карманной книгой, беспрестанно проглатывал большие отрывки заумного текста, а его сестра, мечтательно смотревшая в небо, грызла большое жёлто-красное яблоко и страшно раздражала брата прожорливым хрустом, откусывая очередной сочный кусок. Расправившись с фруктом, она ещё немного повертела огрызок в руках и, безразлично пожав плечами, швырнула его в траву.

– А потом, если всё сложится благоприятно, из него сможет вырасти яблоня, а возможен и иной исход – этот обглоданный огрызок просто сгниёт здесь, – сухим, слегка профессорским тоном вслух рассуждал мальчуган, не отрываясь от книги.

– Ты такой нудный, братишка, – девочка отмахнулась от него, словно от надоедливой мухи и хитро улыбнулась: – Впрочем, другого от тебя ожидать и не следует. Ты слишком предсказуем.

Мальчик ехидно фыркнул:

– Спасибо за правду, сестрёнка, но именно у тебя я учился такому великому искусству предсказуемости. Спасибо тебе, мой гениальный учитель.

Девчушка обиженно стукнула брата и замолчала, устремив своё внимание на пустынную дорогу, уходящую в бесконечную ленту горизонта, деревянные дома, тлеющие от зноя, и, наконец, её игривый взгляд остановился на Дэнни, который всё это время с немим любопытством наблюдал за близнецами по другую сторону дороги.

Она внимательно смотрела на Дэниэла и через несколько секунд что-то шепнула на ухо брату, отчего тот, прервав упоительное чтение, также посмотрел на мальчика, но, не найдя в том ничего занятного для своего пытливого ума, опять уткнулся в книжку.

– Ну, сестра, и чем он тебя заинтересовал? Обычный среднестатистический человек, такой же, как и все остальные, ничем не примечательный, состоящий из плоти и крови, а точнее, клеток, также состоящих из псевдонделимых атомов и миллиардов молекул, индивид, обладающий, вероятно, средним уровнем интеллектуального развития...

Сестра уже давно не вслушивалась в братские невразумительные речи, а весело махала Дэнни, с улыбкой жуя розовый бублик-гум. Её брат в который раз перевернул страницу.

– Да что там такое! – разозлившись, вскрикнула девочка и попыталась отобрать книгу.

– Что ты делаешь?! Отдай!

– Ха-ха, попробуй отними! Ха-ха-ха!..

Крики детей становились всё громче и озлобленнее и, поняв ненужность своего присутствия, Дэнни оставил враждующих близнецов и неспешно пошёл дальше вдоль дороги к дому.

От всепоглощающей городской скуки, вирусом заразившей мальчика, он начал припоминать, что те близнецы – Долус² и Иварития³ – довольно-таки необычные дети, хотя бы потому, что они почти никогда не отходят друг от друга.

«Они как будто бы неделимы», – с иронией подмечали учителя.

«Сверхъестественно неделимы...» – со страхом перешёптывались ученики.

² Долус (от лат. Dolus) – обман.

³ Иварития (от лат. Avaritia) – жадность.

Большинство домов в Мортемфилде – обыкновенные деревянные срубы, скорбно доживающие последние мгновения. Но всё-таки один дом являлся немногочисленной достопримечательностью города – это был дом семьи Маррет⁴. Их жилище очень контрастировало с бедняцкими прогнившими постройками и, невзирая на некоторую зловещую мрачность, выглядело весьма утончённо, благодаря бархатной дымке старины, укрывающей двухэтажное каменное здание. Местные старожилы поговаривали, что дом был долгое время заброшен, после того как его бывший хозяин, в отчаянии искромсал кинжалом все имеющиеся иконы святых, с печальным укором взиравшие на него со стен, а потом вконец лишился рассудка и, безустанно твердя «Ваш Бог устал! Вы убили его! Глупцы, вы все убили своего Бога!», утопился в реке. Труп так и не нашли.

– Неупокоенная душа, – безнадежно вздыхали старики. – Дурной знак.

Чета Маррет заселилась в проклятый дом более чем через полвека после загадочной трагедии, но по каким-то противоестественным случайностям двое супругов вскоре также убили себя без каких-либо объяснений. Живой осталась только их дочь – Планиция⁵, которая давно уже выросла в прекрасную кроткую женщину и теперь являлась не одинокой сиротой, а слепо любящей мамой Долуса⁴ и Иваритии⁵.

Семью Маррет мортемфилдские обитатели негласно считали следующей жертвой анафемы, хранимой в мрачных комнатах их дома, а потому все родители, опасаясь, как бы ужасное проклятие не коснулось и их собственных отпрысков, изо дня в день наказывали тем никогда не заводить никаких общих дел и забав вместе с близнецами. Впрочем, дети и сами не имели никакого желания говорить с Долусом и Иваритией, видя в тех что-то отличное, что-то гадкое, двойственное, порочное...

– Огромное вам спасибо, Саманта. До свидания, – из-за железной калитки дома, украшенной трещинами облупившейся краски, Дэнни увидел Планицию, которая, сердечно поблагодарив его тётку, зашагала прочь, всё дальше и дальше, пока вдалеке её тонкий силуэт и вовсе не исчез в сухом облаке едкой дорожной пыли.

– Она просила принести тканей, – пояснила изумлённому племяннику тетя Сэм и удручённо выдохнула: – Бедняжка, совсем измучили её эти треклятые демоны...

– Кто? – полушёпотом спросил мальчик, но тётка только махнула на него.

– Неважно... Дэнни, она принесла тебе немного сладостей, – сказала женщина, собираясь выйти во двор. – Если хочешь – ешь. Они на кухне.

Стоило хлопнуть двери, как ребёнок уже ласково, словно драгоценности, перебирал блестящие разноцветные леденцы. К необычайному восторгу на дне вазочки Дэнни отыскал один твёрдый кубик ароматного бубль-гума.

– Да, в самом деле, это и вправду вкусно, – втайне решил мальчик и довольно посмотрел в окно на пурпурный закат.

Глава 2

Весь следующий день Дэнни провёл около близнецов и даже сумел подружиться с ними, изредка подмечая их необычные странности. Однако для мальчика они были захватывающе необычными, настолько, что Дэннел то и дело ловил себя на мысли, что и сам бы не прочь внести свою неброскую лепту в какую-нибудь из близнецовских затей. Эти дети казались ему по-настоящему беззаботными и счастливыми. Только они казались ему по-настоящему живыми.

И сейчас, мирно раскачиваясь на стареньких качелях на школьном дворе, Дэнни всё больше хотел, чтобы близнецы стали его друзьями, лучшими друзьями...

– 160?

– Да, так и есть, – кивал Долус, заботливо протирая очки. – Учительница сказала, что мой уровень интеллекта около ста шестидесяти пунктов, не меньше. Я – гений!

– Она и это тебе сказала?

Долус снова высокомерно качнул головой.

– Ха! Тогда ты не гений, братик, ты – дурак! – съязвила Иварития, раскачиваясь на качелях всё выше и выше. – Если ты веришь всему, что тебе говорят, и при этом думаешь, что ты – юный мистер Гениальность, то тогда твой ай-кью не больше, чем у таракана раздавленного ботинком. Вот так!

И она засмеялась громко и дерзко, потому что знала о своей безоговорочной правоте. Обиженный Долус, поняв, что его даже малейшие возражения будут саркастично высмеяны сестрёнкой, не стал затевать бесполезного спора и просто отошёл в сторону.

– Глупая девчонка, – озлобленно пробурчал он, но его едва слышимые слова вмиг растворились в океане её смеха.

Досыта наладившись весельем, Иварития достала из кармана заколку, украшенную цветами, и с довольным видом принялась любоваться её мерцанием.

– Кто тебе её отдал? – спросил Долус и опять раздражённо насупил.

⁴ Маррет (от лат. Terra) – земля.

⁵ Планиция – планета.

– Никто, – не отрывая заворожённого взгляда от новой игрушки, ответила Иварития. – Я сама её взяла.

– То есть украла? – неловко произнёс Дэнни, стараясь не обидеть девочку своим обвинением.

– Не украла! – резко выкрикнула Иварития и, снова мельком взглянув на серебристый металл, кокетливо надула лукавые губки. – Я всего лишь взяла её. Она лежала в классе под одной из парт. Видимо, она никому не была нужна, раз никто не искал её. Но теперь она – моя...

На школьном дворе показалась рыдающая одноклассница ребят, которая вместе с учительницей тщательно осматривала площадку, ища, наверное, ту самую утерянную заколку. Дэнни совестливо смотрел на них, особенно на беспомощную девочку, но так и не решился выдать плутоватую воришку.

Иварития тоже безотрывно следила за ними и, спрятав маленький трофей в карман, шепнула мальчишкам:

– Бежим отсюда!

И под строгие выкрики учительницы, заметившей хитрых проказников, троица, весело хихикая, убежала со школьного двора.

– И что теперь? – с раздражением отмахиваясь от дорожной пыли, проворчал Долус. – Куда пойдём?

В секундной задумчивости Иварития остановилась и, играючи сделав паузу, с улыбкой сказала:

– Давай отведём его, – она по-дружески похлопала Дэнни по спине, – в наше секретное место.

Долус был абсолютно холоден к этой, как ему виделось, унылой затее, но не стал возражать, и уже скоро они, чутко вслушиваясь в мягкий хруст веток под ногами, пробирались к сломанному прогнившему мостику у реки, что текла в лесу, неподалёку от Мортемфилда.

– Почему она?! – негодуяще визжала Иварития, не выпуская из рук кем-то заранее погребённые под мостом поломанные кукольные останки. – Она была моей любимой куклой! Почему именно она?!

– Не кричи, – Долус попытался успокоить её, но сестра отпихнула его.

– Негодница Килл⁶! – безумный вопль Иваритии распорол лесную тишину. – Да чтоб ты горела в аду!

– Успокойся, это всего лишь безжизненный кусок пластика, – упрямо не унимался её брат, – может быть, это сделала не Килл.

– Замолчи! – угрожающе приказала ему девочка и села у самой воды, окунув в неё перепачканные землёю оторванные руки куклы, ноги и голову с отрезанными светлыми волосами. – Я знаю, что это была она.

– А кто это Килл? – шёпотом спросил Долуса подошедший Дэниэл, но тот лишь брезгливо поморщился.

– Килл – наша сестра, – вздохнув, пояснил он. – Самая младшая из всех нас. Ей десять. Очень вредная и своенравная девчонка.

– Сестра? – чуть было не вскрикнул Дэнни, однако вспомнив о разозлённой Иваритии, чуть различимо пробормотал: – Но я думал, что вы единственные в семье...

– Неплохо бы, – шуточно усмехнулся Долус, – но нет. Нас у мамы четверо детей: Я, Иварития, Килл, и у нас также есть старший брат Лаухейт⁷, ему семнадцать.

Ошарашенный Дэнни не смог выдать ответа. Впрочем, Долус и сам охотно окончил эту малоприятную для него беседу и в задумчивости принялся возрождать некие личные и, судя по его скривившемуся лицу, безрадостные воспоминания...

– Ты сможешь мне? – с трогательными нотками жалости просила Иварития, когда они все трое подходили к дому Маррет. – Дэнни, ты сможешь мне отомстить ей?

– Твоей сестре?

– Не смей так называть эту мелкую дрянь! – охрипший голос девочки слегка дрогнул. – Она – просто бельмо на глазу, а не сестра... Так ты согласен помочь?

Сердце Дэнни проткнула игла необъяснимого замешательства, и он, не найдя подходящих слов, решил промолчать.

– Значит, согласен, – не дождавшись ответа, властно решила Иварития и улыбнулась: – Что ж, я рада такому бескорыстному желанию.

– Сестрёнка, не делай глупостей, – вмешался в разговор Долус, – ты ведь знаешь, что Килл чрезвычайно хитра для своего возраста. Ты можешь нажать себе с десятков омерзительнейших неприятностей, потому что Килл...

Получив от сестры яростный сверлящий душу взгляд, мальчик трусливо притих и до самой калитки больше не пытался говорить об этом.

–...Неужели ты боишься полоумных сказок про проклятия и прочую суеверную чепуху? – с насмешкой спросила у нового друга Иварития, когда те оказались уже у самой двери страшного дома. – Это всё – выдумки. Поверь мне, бояться надо тех монстров, что бродят снаружи, а не тех, что замурованы в стенах... Ну так что же, зайдём?

⁶ Килл (от англ. Kill) – убийство.

⁷ Лаухейт (отнем. der Lauheit) –равнодушие.

Поколебавшись, Дэнни слабо кивнул и, когда распахнулась дверь – алчная пасть дома-чудовища – ребята зашли внутрь.

– С возвращением! – приветливо пропел позади вошедших радостный детский голос, и чьи-то влажные красные руки любяще обхватили шею побледневшего Долуса.

– Килл... это что у тебя на руках?... Кровь?..

Глава 3

Как оказалось, руки девочки были выпачканы вовсе не кровью, как наспех предположил Долус, а всего лишь обыкновенной краской, которой Килл старательно разрисовывала неприглядные стены своей комнаты. Просто так, ради великой красоты, щедро даруемой восхитительным алым цветом – любимым цветом малышки Килл.

– Хочешь попробовать? – с наивным детским дружелюбием предложила Килл, протягивая гостью обмакнутую в густую краску кисть. – Смотри, это нетрудно.

Воодушевлённо она провела кистью по серой стене, оставив на ней мокрый грязно-бордовый цвет, и, повернувшись к изумлённому Дэниэлу, улыбнулась.

– Нравится?

– Да... – мальчик осторожно взял у маленькой хозяйки кисточку и тоже, чуть дрожащей от волнения рукой, нарисовал неровную полосу. Затем следующую, более ровную и уверенную, потом ещё одну...

– Весело, не правда ли? – девочка, танцую, забавно кружила вокруг него и, выдавив из исхудавшего тюбика немного краски, размазала её в горячих ладонях. – Посмотри, Дэнни.

Килл безудержно водила пальцами по стене, вырисовывая непонятные символы, похожие на чьи-то уродливые морды и, вскоре закончив с этим, оживлённо выдохнула:

– Теперь они будут охранять меня. Всегда. Даже когда я сплю. Будут смотреть на меня, любоваться, разговаривать и иногда играть со мной. Видишь? Они же... такие красивые...

Но Дэнни так и не смог разглядеть их таинственной красоты, очаровывавшей Килл, и поэтому никак не откликнулся на её туманный восторг.

Предложение поиграть Дэниэл принял куда с большей радостью, и, бросив пустое уродование комнаты, Килл достала из шкафа маску с несколькими перьями и протянула её гостю:

– Ты будешь индейцем.

Себе же, из скудного разнообразия игрушек, она выбрала пластмассовый пистолет Долуса, стреляющий мелкими шариками–пулями, и потрёпанную коричневую шляпу, оставшуюся от пиратского костюма:

– А я буду жадным испанским конкистадором, который хочет поймать тебя и сделать своим безвольным домашним рабом! – в волнующем предвкушении Килл ухмыльнулась и, проверив, что оружие исправно, добавила: – Я дам тебе минуту, чтобы убежать и найти подходящее убежище. Но если я выстрелю в тебя и попаду – ты мой раб.

Правила этой игры были просты и поэтому уже через минуту Дэнни, затаив дыхание, неслышно прокрадывался по дому в поисках места, где юный испанский завоеватель не сможет его обнаружить и пленить. Он прошёл мимо кухни, где изголодавшиеся близнецы доедали печенье, и, показав друзьям знак молчания, шустрый индеец неприметно затаился под лестницей...

Но ненадолго.

– Я тебя поймала! – с хохотом поймав свою жертву в ловушку, разгорячённая Килл старательно прицелилась и сделала беспощадный выстрел, отозвавшийся в доме громкой глухой волной...

Чуть только задрожали оконные стёкла, Долус и Иварития прибежали на второй этаж, где их кровожадная сестрёнка хотела было снова повторить смертельный аккорд, но разозлённые близнецы отобрали у неё оружие, которое оказалось вполне настоящим дедовским пистолетом, и в наказание заперли преступницу в её аляповатой красной комнате. Дэнни же не мог пошевелиться, и, почти вжавшись в стену, в тихом беспомоществе благодарил Господа за спасительный промах пули, угодившей в рядом стоящее кресло, а не в его перепуганное сердце...

– Ты уж, парень, не обращай на неё внимания, – говорил Долус, провожая Дэниэла, – Килл просто самая младшая, а потому и самая избалованная дочь. И ещё, – он важно оттопырил палец, предупреждая, – постарайся больше никогда не играть ней. Сегодня, я надеюсь, ты понял, что игры моей сестрёнки чрезвычайно странные. Не считаешь?

Дэнни только содрогнулся, с ужасом вспоминая то трепещущее ощущение страха и поразившей его безысходности, которые быстро смешавшись в его душе, подчинили себе всё его мальчишеское тело.

– Раньше, она часто ломала в доме вещи, – всё также спокойно продолжил Долус, – и иногда даже мучила бродячих животных, а однажды она положила Иваритии под подушку голову щенка... Но, даже зная обо всём, мать всё равно закрывает глаза на жестокие выходки и продолжает любить этого монстра

безоговорочно и беспечно слепо... Продолжает несправедливо и глупо отдавать ей всю свою любовь, во вред себе...

Напоследок Долус лишь ещё раз предостерёг мальчика:

– Дэнни, если хочешь, то можешь подружиться с Килл, но даже будучи друзьями, не забывай о том, что она – исчадие ада. Дружить или нет – это твой выбор, но прошу, не делай опрометчивых ошибок... ведь, в конечном счёте, расплата за них будет поистине непосильной. Поверь мне...

Отголоски последних слов Долуса, пропитанных затаённой тоской, всю ночь переплетались в сознании Дэниэла какими-то слабыми нитями, которые то и дело неустанно обрывались, вынуждая мальчика вновь и вновь против воли обдумывать сказанное. Он думал долго, мучительно и бесплодно, пока, поверженный усталостью, не уснул. Денни уже не чувствовал тугих оков страха, не видел ни радости, ни слёз, не слышал, как угрюмо воеет на луну соседская собака, и не знал, чья же хрупкая рука бесшумно приоткрывает окно его сонной комнаты, не знал, под чьими ногами вяло заскрипели шершавые половицы...

Глава 4

– Это плохо, – с грустью подумал Дэнни, разглядывая изрисованный подоконник. – Тётя Сэм может рассердиться.

Отыскав в кладовке старое покрывало, он сложил его и предусмотрительно закрыл кривую надпись «Извини меня», сделанную пришедшим в ночи раскаявшимся хулиганом.

– Потом отмою, – рассудил мальчик, наспех выпил немного молока и вышел на крыльцо.

Всё пробуждалось, и Дэнни был очень счастлив тому, что каждое утро может видеть это чудо просто так. Без спешки, без суеты, просто наблюдать, как изящно танцуют насекомые, то стыдливо прячась в траве, то опять на миг показываясь, видеть, как пробуждающееся солнце по-королевски покрывает всё вокруг золотой парчой, слышать, как вдалеке струится река, ласково призывая к встрече нового ноябрьского дня...

– Так ты прощаешь меня? – опустив голову, пролепетала Килл, с наигранным интересом притворяясь, что разглядывает придорожные узоры из песка и пыли. – Прощаешь?

Дэниэл, издали завидя торопливо шагающих в школу одноклассников, ответил:

– Да, я больше не обижаюсь на тебя. Правда, – он неловко усмехнулся, – было немного жутко.

– Я знаю, – Килл тоже посмеялась и с просьбой, промелькнувшей в её ангельских глазах, посмотрела на Дэнни: – Может, ты хочешь снова поиграть со мной?..

Её голос был по-прежнему слегка виноватым, но теперь это выглядело так очаровательно и безгрешно, что мальчик не мог противиться её милой кокетливой улыбке.

– Пожалуйста, Дэнни, поиграй со мной...

И он, рабски поддавшись превратным девичьим чарам, согласился.

Удивительно, но дети ладили очень быстро, словно являлись друг другу самыми близкими кровными родственниками, а возможно ещё и потому, что теперь их связывали общие воспоминания. Они шли вдоль улицы, но Килл иногда останавливалась, заметив на ветке или на шаткой крыше дома очередную птицу, и озорно стреляла по ней из самодельного подобия рогатки.

– Чёрт! Опять промахнулась! – с досадой фыркнула девчушка, спугнув ещё одну пернатую жертву.

Так повторилось раза два, не меньше. На третьей попытке Дэнни всё же попытался отобрать у Килл её оружие:

– Прекрати! Это жестоко! – крикнул мальчик, чем ещё больше раззадорил «охотницу». – Просто отдай это мне!

– Хочешь пострелять? – девчонка с ехидством подмигнула.

– Нет! Пойми, ты – девочка и не должна делать такие страшные вещи!

В конце концов, у Дэниэла получилось выхватить рогатку, и он, не мешкая разломал её напополам, чему Килл была непостижимо рада и даже, глядя на теперь уже бесполезные деревяшки, залиисто захохотала.

– А я думала, ты будешь смелее, – отсмеявшись, с неким вызовом сказала она, – а ты оказался не настоящим мужчиной, а обычным мальчишкой. Жалкий трус!

С хищным голодом Килл, как бродячая кошка, посмотрела на паривших вдали двух ворон, но поспешила развеять всякие мысли о продолжении охоты и подошла к оскорблённо стоящему у дороги Дэниэлу:

– Мне скучно, – капризно протянула девочка и, вмиг придумав новое развлечение, взяла Дэниэла за руку: – Пошли к реке.

По тропке, ведущей прямо к обветшалому речному мосту, дети шли молча, но пройдя мимо изнывающей от жары собаки, раскрывшей иссохшую пасть, Килл грустно спросила Дэниэла:

– Ты думаешь, это весело, – вздохнула она, тихо постукивая сломанными палочками, – вот так подстреливать этих глупых птиц?

– Вряд ли, – с сомнением ответил Дэнни, – это очень бесчеловечно.

– Это скучно! – сердито вскрикнула девочка и бросила обломки бывшей рогатки на заросшую клумбу. – Знаешь, а ведь у меня их уже почти полсотни.

– Кого?

– Птиц, собак, кошек – моих любимых питомцев...

Печально сникнув, Килл прошла ещё несколько шагов и едва слышно пояснила:

– А точнее сказать, их тел – глупых бесчувственных чучел...

Заметив на побледневшем лице Дэниэла вновь зарождающийся ужас, Килл, как ни в чём не бывало, продолжила:

– Да, раньше я часто ловила их на улицах, в соседских двориках или никем не изведанных закоулках, чтобы получить в коллекцию новую игрушку. Они были ничейными, а я сделала их своими!

Её слова были пронизаны какой-то пламенной и непонятной Дэнни гордостью, но он не стал её прерывать, хотя и слушать жуткие откровения девочки было отвратительно.

– У мамы нет денег, чтобы покупать мне столько игрушек, сколько я захочу, – Килл на секунду всхлипнула, готовая вот-вот отчаянно разрыдаться, закрыла глаза и нежно произнесла: – Поэтому я сама достаю их... Я люблю их. Они – единственные, кто не ненавидит меня. Они – мои единственные друзья, пускай и мёртвые...

У моста Килл, наконец, отпустила влажную руку Дэниэла, и без страха взошла на зловеще скрипевший, рассыпающийся деревянный мост. Плавным жестом она подозвала удивлённого спутника, но Дэнни лишь, отказываясь, покачал головой:

– Нет... – пристыженно промямлил мальчик. – Я не хочу.

– Фи, с тобою так скучно, – девочка отвернулась от него, и её губки язвительно протянули: – Тру-сишка...

Неспешно и важно, как маленькая королева, она спустилась на речной берег, обрамлённый умытой капельками воды травой, и, снова взяв Дэниэла под руку, пошла вдоль реки, с безумным восхищением вглядываясь в её беспросветные глубины.

– Я люблю смотреть на воду, – не выпуская руки мальчика, словно опасаясь его потерять, умиротворённо сказала Килл. – Потому что только её бессмертная красота так завораживающе совершенна...

Внезапная благодатная пелена спокойствия в тот момент завладела Дэниэлом, и он посмотрел на мелкие рассыпающиеся волны, в которых искажённо отражались и солнце, и деревья, и Килл, и он сам... Это и вправду было совершенно, пугающе совершенно...

– Не мешай, – недовольно пробурчал старый рыбак, пока непоседа Килл то и дело пыталась дотронуться до забавно дрожащей в его руках удочки. – Иди отсюда!

– Можно нам поиграть с ней? – по-детски бесхитростно попросила девочка. – Мы немножко...

Но ворчливый старик, недовольный неожиданным появлением детей, крикнул на неё и, алчно глотая сладковатый воздух, хрипло выкашлялся.

Обиженная Килл с дьявольской хитринкой взглянула на Дэнни и, подойдя к стариковскому ведёрку, в котором беспомощно билась со смертью одна серенькая рыбка, выпустила несчастное животное обратно в вяло струящиеся речные воды.

– Мерзкая девчонка! Что ты натворила?! – в иступлённом негодовании заорал рыбак и гневно покосился сначала на неё, а затем и на бессловесно следящего за всем этим Дэнни.

– А ты же... – старик уверенно указал на мальчика, – ты же племянник старухи Сэм с красильни! Тони, или как там тебя...

– Дэнни, – мальчик неуютно покоробился.

– Неважно! – яростно бросив удочку, отрезал старик и погрозил ему: – Вот расскажу ей, как ты, герой, по лесу с девчонкой бродил и рыбу у меня отнимал! Пусть уж тогда тётка тебя как следует накажет и объяснит, почему надо в школу ходить, чтобы не нажить себе неприятностей!

Под гневную речь старика Килл снова засмеялась, а испугавшийся Дэниэл не смог ничего сказать вредному рыболову и только глупо ворочал во рту онемевшим языком.

– Я хочу играть! – взвизгнула Килл и, подняв с земли стариковскую удочку, шаловливо зацепила крючок на заляпанном жилете рыбака, а затем принялась задорно кружить вокруг старика, обматывая кряхтящего беднягу леской, точно наряжая Рождественскую ёлку.

Старик, ругаясь, попытался было встать, но, покачнувшись, лишь грузно упал, что ещё больше развеселило проказницу. Она даже и не думала прекращать сумасбродную шалость и, когда добралась до сморщенной шеи удильщика, подозвала оцепеневшего от её выходки Дэниэла. Поначалу тот не сделал ни шага, но вспомнив едкий взор старика, всё же подошёл к девочке и взял один конец лески. Второй конец Килл оставила себе и, возбуждённо дыша, дала Дэнни команду:

– Если ты хочешь стереть позорное клеймо труса, то затяни леску как можно сильнее! Я сделаю тоже самое. Не бойся, – девочка плутовато подмигнула, – поверь, будет весело!

Раз, два... три!

Кровь по щеке старика заструилась почти сразу, такая тёмная, тёплая, ещё живая. Обезумев, Килл начала окроплять ею свои белоснежные руки, облизывать с пальцев, размазывать по напряжённому старческому лицу, застывающему в жуткой мучительной гримасе. Её глаза блестели, но блеск этот был сродни ядовитому свету адского пламени – это было истинное торжество безумия.

– Тебе понравилось, Дэнни? – не глядя на отрешённо держащего леску мальчика, спрашивала Килл, опьянённая немymi алыми струйками. – Это же была такая весёлая игра! Правда? Правда, Дэнни?

Мальчик безжизненно замер. Он не знал, что сказать своей кровожадной подруге, ведь они только что вдвоём лишили жизни безвинного человека... так легко... играючи... и теперь они... убийцы?

Дэнни всем сердцем не желал этого признавать, но холодеющий у его худых колен труп, раскрашенная кровью Килл и потусторонняя, окружавшая живописное место преступления тишина ясно говорили ему, что это было явью. Это было реальностью... Их общей реальностью...

Окинув взглядом тело, так обидно и так злобно насмехавшееся над ним всего несколько минут назад, мальчик осмелился сказать:

– Да, Килл... это была чудесная игра.

... Тётя Сэм ещё не вернулась с красильной фабрики, и, когда Дэнни вернулся домой, он застал только сиротливую пустоту и нескольких мышей, разбежавшихся по углам, стоило мальчику переступить порог. Дэниэл был один.

– Никто ничего не узнает... и наказания тоже не будет... никогда...

Он опасливо задёрнул занавеску, чтобы лучи всевидящего солнца этим вечером не выдали его ноющей тайны...

Глава 5

Белая нитка, приставшая к выглаженному чёрному пиджаку – что может быть заметней? Перед зеркалом он со спокойным равнодушием уберет её, возвращая внешнему виду былую безупречность. Поправит галстук и скроется за тёмными стёклами очков, чтобы никто не смог разгадать его – местного франта Лаухейта Маррета.

Педантично он отсчитывает секунды и выйдет из дома именно в ту минуту, в какую положено и вальяжной походкой придёт к месту встречи точно в договорённое время без опозданий, без эмоций.

Окружающие, повстречавшие его на улице, будут радостно махать ему, тем самым обращая на себя его безразличное внимание. Но он пренебрежительно пройдёт мимо них и, задушив в сердце непрошеную гордость, едва заметно улыбнётся тому, как они так неумело и так подражательно, словно егозливые мартышки, начинают фанатично прятать глаза за тёмными очками, моду на которые породил сам юный Лаухейт. Он стал для них моделью, иконой, негласным кумиром, безучастное мировоззрение которого, всё больше заражало оскудевшие людские души, становясь массовой Мортемфилдской религией. Но сам мистер Лаухейт, хоть и являлся основателем этого движения, был довольно холоден к новомодной философии, чем вызывал ещё большее обожание безотчётно поклонявшихся ему фанатов.

–...Это для того, чтобы все знали, что мы вместе! – оживлённо протараторила пришедшая на свидание воздыхательница Лаухейта Шарлотта, которая сегодня всё-таки решилась утаить собственный наивный взгляд за чёрными очками. – Скажи, мне идёт?

– Мне всё равно, – с неизменной апатией отозвался парень, что несколько не удивило девушку, а наоборот вызвало некое подобие восторга, потому что это были слова самого Лаухейта Маррета, его самое излюбленное и популярное изречение. – Пошли.

Для свидания Шарлотта выбрала кафе. Хотя в Мортемфилде оно было, пожалуй, единственным презентабельным местом. Другие же подобные заведения в городе именовались просто закусочными, где основными посетителями были изголодавшиеся работники ближайших фабрик, продавцы, оставившие прилавки ради нескольких безвкусных бутербродов, измотанные учителя, приходявшие туда только для того, чтобы по привычке провести ещё один шумный день, медленно выпивая мутную, едва тёплую горьковатую жижу, заманчиво именуемую горячим шоколадом.

В кафе пара заняла столик в углу у самого магнитофона, который, время от времени заедая кассетную плёнку, слабо похрипывал шипящие мелодии. Это было так тихо, что каждый мог без труда подслушать то, что говорилось за другим столиком, будь то скорбная новость о смерти соседа, разбившего голову, слезая со стремянки, или же бестолковые сплетни, сверлящие лицемерные рты.

Скромно заказав чашку кофе, Шарлотта с призывным желанием заговорить смотрела на Лаухейта, который лениво поглядывал в окно и не проявлял к девушке никакого интереса.

«Зато теперь мне все будут завидовать, – сладко подумалось Шарлотте, – ведь я сижу здесь с самым лучшим парнем в городе!»

И она заговорила.

Со стороны это казалось чем-то слегка смешным, ироничным, но, присмотревшись, можно было заметить, как это было печально и невыносимо равнодушно... Это был скудный диалог, где бедняжке Шарлотте приходилось попеременно то надевать мнимую маску Лаухейта, то опять без стеснения обнажать своё лицо. А он всё также сидел и безмолвно дарил ей то, чего она так долго хотела: романтическое, иллюзорное randevu...

В другом конце помещения, предсмертно дребезжа, вмиг разлетелась по полу яростно брошенная чашка. Все замолчали, как по команде, повернули голову и, наглухо заклеив губы, жадно следили за ссорой, запоминали каждое брошенное в сердцах оскорбление, дожидались скорейшей кульминации, которая незамедлительно и предстала перед нетерпеливой публикой в облинии унижительного, подлого и бесчестного удара мужчины в окроплённое слезами лицо женщины...

– Пожалуйста, сделай что-нибудь! – беспокойным полусшёпотом взмолилась Шарлотта. – Останови их!

– Зачем? – с тусклым оттенком простосердечности допивая кофе, спросил Лаухейт. – Это их дело. Пусть сами решают свои проблемы.

«Неужели, тебе и вправду всё равно?» – мысленно ужаснулась девушка.

– Мне всё равно, – точно прочитав её мысль, скупающе выдохнул парень и положил на стол несколько небрежно смятых купюр.

«Почему все они, эти люди, – оглядывалась Шарлотта, по пути к выходу, – почему они такие бесчувственные? Почему?.. Почему они смотрят, но не пытаются помочь?..»

И только оказавшись у самых дверей, девушка заметила, как все бесстрастные деревянные лица людей укрывали такие же, как и у неё и Лаухейта чёрные очки...

У дороги, чуть поодаль заведения, играл мальчик, одиноко подбрасывая вверх истёртый мяч. Всё выше и выше... В доверчивой надежде подбросить резиновый шар до самого неба...

Лаухейт и Шарлотта шли молча, не торопясь, и это минорное молчание было единственной нитью связывающей их обоих. Шарлотта была согласна и на это, лишь бы ещё побыть рядом с этим неприступно прекрасным Эндимионом⁸, чувствовать запах его не по возрасту взрослого одеколона; она была готова на всё, чтобы просто верить иллюзии, что в его опостылевшем сердце тоже, как и у неё, постепенно загораются первые искры любви...

Вокруг было всё так же спокойно, как и всегда. Меланхолично спокойно. Только неуёмный ветер иногда задорно кружил в тихом вальсе жёлтые листья. Было пустынно и нестерпимо грустно.

Но заслышав позади режущий скрип колёс, и Лаухейт, и покорно идущая рядом с ним Шарлотта, неожиданно обернулись. Слишком поздно обернулись...

...Выбежавший из злополучного грузовика водитель, ошеломлённо озирался вокруг и, завидев неподалёку парочку, посмотрел на них не то с мольбой, не то с жалкой боязнью. Он подбежал к лежащему в нескольких метрах от него мальчику, да-да, тому самому несчастному мальчику, беспечно игравшему у дороги всего минуту назад. Его мяч плавно покачивался ветром и скоро остановился, провалившись в свежую канаву. Разбитая голова мальчика щедро и больно омывалась его тёплой кровью, стекавшей на дорогу, а сам ребёнок лежал бездвижной куклой и так больше ни разу не шевельнулся.

– Пойдём, – унимая непокорную дрожь, сказала Шарлотта и посмотрела в сторону грузовика. – Им нужна помощь.

– И что с того, – с апатией потянул Лаухейт, – это не моё дело.

– Эгоист чёртов! – вконец не выдержала девушка и, грубо отпихнув парня, в беспамятстве подбежала к месту трагедии.

Пока водитель, отыскав телефон, нервно пытался набрать номер скорой помощи, Шарлотта придерживала окровавленного мальчугана, который, к сожалению, был уже мёртв. На улице не было никого, кто бы мог помочь. Мортемфилд будто бы превратился в заброшенный город-призрак, пожирающий всех, кто осмелится прийти сюда.

Лаухейт, ещё немного понаблюдав за развернувшейся картиной, подошёл к плачущей над ребёнком Шарлотте и, склонившись, аккуратно стянул с неё безликие очки:

– Знаешь, Шарлотта, – задумчиво сказал он, разглядывая глянцевые стёкла, – они тебе не к лицу. Они только уродуют тебя.

Не сказав больше ни слова, молодой человек с повседневным спокойствием сжал тонкий пластик, отчего тот издал лёгкий треск и, уходя, выбросил очки Шарлотты в грязную канаву, где грустно на воде покачивался мяч. Ничей мяч.

⁸ Эндимион – олицетворение красоты – в греческой мифологии знаменитый своей красотой юноша.

Глава 6

Все эти дни Дэнни упорно старался не вспоминать об убитом рыбаке, но каждый раз просыпался, слыша во сне его мерзкое ворчание. Мальчик хотел забыть и о хитрой подстрекательнице Килл, но не мог, ведь они вдвоём имели общий кровавый секрет. Теперь в городе все только и говорили, что о старике, а точнее о его проеденном личинками трупе, не так давно найденном у речного берега. Но никто из потрясённых жителей не знал, что убийцы каждый день ходят рядом с ними, вежливо здороваются и снова проходят мимо, скрывая свою ужасную тайну под кукольно-детским личиком.

Самому же Дэниэлу, когда он проходил по кривым улочкам, казалось, что прохожие то и дело с подозрением поглядывают на него, будто бы они знали о его гадком поступке, и из-за подлого чувства страха, подпитывающего вину, мальчик лишней раз отказывался выходить из тёткиного дома. Но сегодня ему всё же пришлось покинуть свою душную комнату и отправиться поиграть с близнецами Маррет в их погибельное секретное место – на реку. Дэнни не хотел казаться странным и этим выдать себя своим пронизательным друзьям, которые, однако, сразу подметили изменения в его поведении, но вряд ли подумали об их значимости.

–...Он сам удавился, – с профессорской надменностью рассуждал Долус, – старикан просто запутался в леске и случайно умертвил себя. Это просто и логично.

– Как ты можешь быть уверен в этом? – засомневалась Иварития и выпросила у Дэнни ещё немного дешёвых леденцов. – Ты же сам этого не видел.

– Это не важно, – высокомерно фыркнул Долус и, с удовольствием загибая пальцы, пояснил: – Я просчитал, что если старик был на реке один, а я более чем уверен в этом, то, учитывая его возраст и вытекающие отсюда старческие изменения в его нейрофизиологических процессах, можно быстро догадаться, что его смерть была ничем иным, как непреднамеренным суицидом. Случайная и неосторожная смерть.

Подметив на лице Иваритии блёклый оттенок замешательства, брат сухо усмехнулся:

– Это всё потому, что я – гений, сестрёнка. Тут нечему удивляться.

– Ты не гений, ты – болван! – словно очнувшись от дрёмы, раздражённо выпалила Иварития и потребовала у тихо идущего рядом с нею Дэнни ещё леденцов. Они оказались последними.

Подходя к лесу, Иварития расстроено посмотрела на Дэниэля:

– У тебя что, больше нет?

– Нет, – сдавленно, чуть пристыженно сказал Дэнни.

– Но ты можешь купить их, – девчушка лукаво подмигнула ему, – у тебя же есть деньги. Там, в левом кармане твоих джинсов. Я знаю.

– Я не могу, – вздохнул Дэнни и отвёл глаза вниз, на тропку. – Эти деньги мне дала тётя, чтобы вечером я смог купить у фермера молока. Я не могу купить на них конфет. Прости.

– Нет можешь! Ты должен купить мне конфет! Мы же с тобой друзья? – взбунтовалась Иварития и негодуя замахала руками. – Или уже нет?

– Прекрати, – Долус решительно оттянул сестру от перепуганного Дэниэла, – мы все – друзья. Перестань попрошайничать. В конце концов, тебе уже не шесть лет.

– Но я хочу конфет... – с обидой вполголоса произнесла Иварития, но поняв, что её минутная прихоть не будет исполнена, всё же извинилась перед Дэнни и притихла.

Правда затишье было невероятно бутафорским и хрупким. Настолько, что его смог сломать и ребёнок, а точнее, одна коварная девочка, в одиночестве стоящая на прогнившем речном мосту.

– Что ты здесь делаешь? – озлобилась Иварития, вероятно припомнив прошлую «кукольную» обиду. – Это не твоё место. Иди домой.

– Я хочу играть, – Килл сделала несколько шагов по мосту, отчего заскрипели сырые чёрные доски, и с загадочной улыбкой посмотрела на всю троицу. – Я просто хочу играть!

Она сделала ещё два мелких шага.

– Остановись, Килл! – с испугом выкрикнул Дэнни. – Мост может сломаться! Ты можешь утонуть!

– Ты хочешь увидеть, как я умираю? – девочка восторженно всплеснула руками и, посмотрев на воду, засмеялась: – Это была бы самая прекрасная смерть!

Под неодобрительные взгляды Долуса и Иваритии, наблюдавших за разговором, Дэниэл чуть съёжился, но всё же сказал:

– Спустись, пожалуйста... – Поникший голос мальчика стал ещё глуше: – Если хочешь, я поиграю с тобой...

Игра, которую придумали ребята, называлась «Охота на ведьм». На обрывках бумаги Килл написала четыре роли, и каждый из детей поочерёдно вытаскивал бумажку и узнавал свою. Озвучивать её было под запретом. Затем участники расходились. Тот, кто получил бумажку с надписью «Ведьма» (ею оказался Дэнни), должен был убегать и скрываться от охотника, жаждущего поскорее предать невинного беднягу Священному Огню Инквизиции. Эта роль попала в руки Килл.

Долус же примерил на себя праведную маску епископа, смиренно приближающего нераскаянные души к Господу, а Иварития стала доброй и благочестивой горожанкой.

—... Ведьма! — высмотрев вдаль среди деревьев фигурку Дэнни, завопила Килл и бросилась к нему. — Лови её!

Так началась игра.

Глава 7

Юрко кружа среди древесных колонн, Дэниэл бежал всё дальше, в заросший полумрак, чтобы спрятаться от кроважадного инквизитора, выкрикивавшего вдаль пустословные обвинения. Мальчику нравилось редкое, будоражащее чувство тревоги, заполонившее его. Постепенно впитывая азарт, он сливался с мыслью о том, что деревья вокруг превращаются в примитивные средневековые дома, тропки становятся дорогами, по которым каждый день ходят благородные рыцари и прекрасные дамы, тени, мелькающие по сторонам, расплываясь, принимали смутный облик горожан, а сам Дэниэл ощущал необъяснимую силу, заточённую в его теле. Ему казалось, что он — избранный и стоит ему только пожелать, то тут же город сокроет ливень или непроглядная метель, укроет вода или же сожжёт дотла огонь. Он почувствовал себя настоящим колдуном, способным завладеть целым миром! Всем ненавистным колдуном...

Скоро преследовательница Килл затерялась в теневых переливах, и Дэнни остановился, чтобы разрушить окружавший его городок и вновь обратить его в дремотный лес, где он — всего лишь беззаботно играющий ребёнок, а не никакой ни колдун или ведьма. Вблизи снова послышались грозные возгласы Килл, и мальчик побежал дальше, он не хотел быть пойман, он не хотел так скоро умереть.

— Иварития! — обрадовался Дэнни и подбежал к ней. — Иварития, прошу, спаси меня! Меня хотят сжечь!

— За что? — удивилась она, но, увидев приближающуюся Килл, закрыла собой Дэниэла.

— Отдай ведьму! — заорала Килл и попыталась отпихнуть сестру. — Она заключила сделку с Сатаной и теперь отравляет людей проклятиями! Мой долг убить её!

Иварития с недоверием вслушивалась в праведные вопли Килл, но так и не отошла от перепуганного Дэниэля.

— Нечестивица! — Килл подняла с земли сухую ветку и указала на сестру. — Неужели ты тоже прислужница дьявола! Отдай ведьму, а не то угодишь на костёр!

Но та, ничуть не испугавшись карающих угроз, даже не шелохнулась.

— Ну, если так... — недолго думая, Килл достала из кармана позолоченную безделушку и с ухмылкой протянула упрямой горожанке: — А теперь?

И Иварития, с блеском в глазах взяв предложенную дешёвку, поддалась и выдала неудачливого колдуна, который, впрочем, сумел спрятаться от жестокого инквизитора у священника Долуса, встретившегося ему в изумрудных лесных дебрях.

— Прощу, священник, спаси меня! — умолял Дэнни, пока тот внимательно оглядывал пришедшего. — Меня хотят убить!

— Только Господь вправе решать, кому увядать, а кому распускаться, — поэтично продекламировал Долус и подошёл к запыхавшемуся бедняге: — Если душа твоя вскормлена грехом — очисти её, если же нет, то убереги её от лукавого, ибо он...

— Ведьма! — вдруг прервали его праведные речи приближающиеся Килл и Иварития. — Держи её!

— Пожалуйста, спаси... — взмолился колдун.

— Бог спасёт и всё рассудит, — сухо ответил священник и прибавил: — Но только сегодня твоим богом стану я!

Трое они склонились над поверженной ведьмой и несмолкаемо твердили:

— Сжечь её! Сжечь её! На костёр! Убить грешницу!

Они протягивали к Дэнни свои алчные руки, торжествующими улыбками пожирали его беспомощность и надменно смеялись. Они уже не играли — теперь они по-настоящему жили в своих страшных фантазийных личинах.

— Сжечь! Сейчас же! Пусть все увидят, что их ждёт, за неповиновение! Смерть, ха-ха-ха! Жалкие черви, трепещите же перед нашим святым огнём, ха-ха!.. Ведьма кричит, ведьма стораёт! Сам дьявол душу у ней забирает!..

Это была хорошая игра... Это была правильная игра... Это была их игра...

На закате Дэнни попрощался с друзьями и по поручению тётки отправился к фермеру за молоком. Килл, Долус и Иварития остались втроём.

— Было весело! — восхищалась Килл, радостно подпрыгивая на берегу реки вместе с собственной растекающейся тенью. — Мы поймали ведьму!

— Пойдём отсюда, — заныла Иварития, — я ещё хочу купить жвачку.

– Без денег тебе её не продадут, – усмехнулся Долус, но тут же на его умном лице отразилось непомерно удивление, когда его сестра победно показала ему несколько бумажек.

– Откуда они у тебя? – с любопытством Килл подбежала к Иваритии, чтобы рассмотреть их.

– Взяла у ведьмы, – ответила Иварития.

– Украла? – с презрением изумился Долус.

– И что с того? – воровка нагло посмотрела на брата и, в мыслях высмеивая его минутную глупость, пошелестела грязной зеленоватой бумагой, – мёртвым ведьмам они ни к чему. В конце концов, в правилах игры ничего не говорилось об этом, а значит, это не было запрещено.

– Ты не понимаешь, что это подло? – не прекращал Долус. – Верни их Дэниэлю.

– Замолчи! – пригрозив, разразилась Иварития. – Они – мои! Я получила их!

Её брат, сконфуженно застыв в поражении, лишь едва слышно пробормотал:

– Как хочешь. У каждого своя голова на плечах... Главное, чтобы из-за этого, – он показал на деньги, – ты не лишилась своей.

– Только после тебя, братик, – съехидничала Иварития и все трое направились обратно, в сторону душного города.

...Манящее, плавно стекающее в банку шелковистое молоко всецело завораживало Дэнни, смотрящего на белую жидкость, как на единственное мирское чудо. Ребёнок с упоением представил, будто этот маленький молочный ручей прогоняет его вечернюю жажду, и даже на секунду мнимо ощутил ласкающую язык нежность напитка, будто бы отныне призывающую мальчика говорить только добрые слова...

– Два доллара! – басовито прогремел пузатый фермер и закупорил банку.

Но Дэниэл, как ни пытался, так и не смог отыскать заветные купюры ни в правом кармане, ни в левом, хотя и помнил, что утром положил деньги именно туда.

– Два доллара! – с раздражением снова буркнул фермер, глядя на растерянного мальчика.

– Простите сэр... – виновато лепетал Дэнни, – я не могу найти их...

– Что?! – по-бычьи взревел хозяин лавки и ещё больше уставился раскрасневшимися глазами на расстроенного ребёнка. – Я сказал два доллара!

– У меня нет денег... Я потерял их... – безысходно повторял Дэнни, не обращая внимания ни на гнев фермера, ни на собственные слёзы, беззвучно стекающие по щекам.

– Значит и молока не получишь, сопливый лгун! – фермер резко отставил банку подальше от прилавка и сердито крикнул: – Пошёл вон!

Тем временем в лавку зашла посетительница и, поприветствовав плачущего Дэниэла лёгким кивком, подошла к прилавку:

– Дайте мальчику молока, – худенькой рукой она протянула фермеру деньги и тот, неловко взяв их, сиюминутно отдал ей злополучную банку.

– Возьмите, пожалуйста...

Дэнни узнал эту миловидную светлую женщину – это была Планития Маррет, мать Килл, Лаухейта и близнецов. Она улыбнулась, нежно погладила мальчика по голове, и вдвоём они молча вышли из лавки.

– Спасибо... – Дэнни со стыдливой благодарностью посмотрел на женщину, отчего та мягко усмехнулась.

– Не за что. Наверняка, – Планития закрыла глаза, чутко внимая мелодичному шелесту деревьев, – Саманта бы огорчилась.

– Да очень... – сдавленно подтвердил Дэнни и сказал: – Обещаю, я верну вам деньги. Два доллара, за молоко...

– Не глупи, дитя, – отмахнулась Планития. – Мне не нужны твои деньги. Просто считай это моим подарком.

– За что? – сильнее прижав тяжёлую банку к груди, удивился мальчик.

Женщина неспешно опустила перед ним и смахнула с его лица ещё не высохшие крошечные слезинки:

– Просто за то, что ты есть, Дэниэл. Разве этого не достаточно?

На её губах снова засияла улыбка, и Дэнни задумался: почему у такой красивой светлой матери такие жестокие дети? Ведь, они совершенно на неё не похожи, ни один из них... В душе этой женщины не было места ни для алчной озлобленности Килл, ни для высокомерного снобизма Долуса, ни для голодной жадности Иваритии, ни для всепоглощающего равнодушия Лаухейта... Всё её сердце было заполнено только любовью – чистой и бескорыстной, настоящей любовью к своим детям, к людям, природе, миру, Творцу... Она просто любила жить...

– Угощайся, – Планития развернула розовый кубик жвачки и отдала его Дэниэлу. – Вкусно?

– Да, – приняв угощение, ответил мальчик, но в глубине души подумал: – Вкусно, но почему-то уже не так сладко...

Глава 8

В это хмурое ветреное утро дорога на кладбище казалась особенно долгой. Пройдя мимо ряда покосившихся надгробий, Саманта остановилась у одной из могил и сжала озябшие руки в беспомощной молитве – она разговаривала с мужем, который до сих пор являлся для этой бедной женщины единственным человеком, способным выслушать, понять и, возможно, разделить её земные тяготы. Пусть уже и не в этом мире.

Саманта была абсолютно бездвижна и траурно угрюма. Бледные нити её платка дрожали на ветру, так же, как дрожало и измученное сердце женщины, от боли, от страха, от вечного холода...

– Здравствуйте, – осторожно послышался позади голос Планитии. Тётка Сэм обернулась и тоже кротко поприветствовала пришедшую.

В руках Планития держала белую розу, возвеличивавшуюся на хрупком стебле, и, с некой душевной признательностью, положила её на могилу, чиркнула спичкой и поставила рядом с цветком зажжённую лампадку.

– Спасибо, тебе... – почти неслышно поблагодарила Саманта и вгляделась в ознобный огонёк, осветивший на камне полузабытые черты её мужа. Знакомые черты, родные черты, истёртые черты, почти чужие черты...

Пламя непоседливо вертелось, стоило вздохнуть лишь малейшему ветерку, и поэтому Саманте с опаской казалось, что оно вот-вот погаснет и снова лишит тепла и навеки спящего супруга, и её саму. Но свеча продолжала бороться, она продолжала гореть.

– Ты сшила себе платье? – тётка Сэм, вздохнув, посмотрела на Планитию. – То самое, сине-злёное с тонкими бежевыми кружевами...

– Да, оно уже готово, – улыбнувшись, ответила та. – Осталось только надеть его.

– На праздник?

– Да, на самый важный и светлый праздник, – Планития одухотворённо взглянула на заштопанное серое небо, – самый лучший, самый человеческий, самый священный праздник... День Благодарения...

Её собеседница застыла в неопишемом изумлении от того глупого обстоятельства, что совершенно забыла о грядущем празднике, день ото дня теряясь в ядовитых парах краски, обливая ими неказистые ткани. Все эти дни, все эти месяцы, все эти теряющие цвет годы...

– Приходите с Даниэлем к нам на праздничный обед, – сказала Планития, – я приготовлю индейку. Мои дети очень любят её.

Тётка Сэм, ничего не говоря, приняла приглашение и, собираясь покинуть унылое кладбище, задала лишь один вопрос:

– Скажи, почему ты до сих пор терпишь их? Посмотри на себя: они, эти нелюди, опустошают тебя, разрушают тебя, потребляют, глодая твою истощённую щедрость... но никто из них больше не любит тебя... Ты разбаловала их, и теперь они как черви выгрызают твои гниющие раны...

Она остановилась у покосившегося креста, торчащего из сырой земли, и напоследок вновь подняла голову на невозмутимо слушающую её Планитию:

– Почему ты не избавишься от них? – Саманта утёрла слезу краем платка. – Ведь только тебе это под силу, ты – их мать...

– Вот именно, я – их мать, – твёрдо произнесла Планития. – Они – мои дети и я люблю их, какими бы они ни были. Они – мною вскормленные дети, мои избалованные дети, мои ЛЮБИМЫЕ дети...

Ветер всё насвистывал свою скорбную трель, зловеще сплетались вокруг острые тени, на могилу опустился с ветки листок...

Догорела свеча в лампадке.

Глава 9

*Вкушая отраву, пестуя болезнь,
Деметра⁹ поёт последнюю песнь...*

Пряный запах тыквенного пирога, струившийся из-под тонкой бумаги, всю дорогу распял в Дэниэле неприхотливое и поистине детское желание незаметно отщипнуть кусочек свежей тёплой выпечки, над которой целое утро так старательно колдовала тётя Сэм. Она же и сказала мальчику отнести пирог Марретам и, если он того хочет, провести с ними День Благодарения, правда, недолго, ведь вечером на праздник приедут его

⁹ Деметра – древнегреческая богиня плодородия, «Мать-земля».

родители и, может быть, заберут сына из Мортемфилда к себе. И всё станет как раньше, и будут только мама, папа и сын...

... Лаухейт с окоченевшей гримасой отрешённости, цинично просвечивающейся сквозь тёмные очки, встретил Дэнни и впустил его в дом.

– С Днём Индейки! – Килл радостно выбежала из кухни и обняла гостя. – С праздником!

– Д-да... тебя тоже, – чуть было не выронил пирог Дэнни. – Это вам.

Слизывая с пальцев остатки ягодного варенья, в коридор вышла Иварития:

– Спасибо, дружочек! – и унесла ароматный гостинец.

Дэнни смущённо отстранился от Килл и лишь сейчас заметил, что на ней нет ничего красного – только чёрные туфельки и невинно белый сарафан, превращающий девочку в земное подобие ангела. Красивого, маленького, бескрылого ангела...

На заднем дворе она показала ему раскидистый дуб, величавый в своём старческом великолепии, и дупло в нём, куда Килл иногда складывала надоевшие ей игрушки.

Мелкие кости, клыкастые черепа и гниющие головы, растянутые облезлые шкуры, выпотрошенные тушки – все эти забавы Килл тайно сохраняла здесь, она не хотела так скоро избавляться от бывших друзей, пусть они были ни чем иным как бездыханным разлагающимся мясом. Она продолжала помнить о них, заботиться и, может быть, даже любить эти бесчувственные останки своей непостижимой тлетворной любовью... Просто потому, что иная любовь Килл попросту была незнакома.

– Твои деньги украли Иварития, – созналась девочка, подбирая яркие листья. – Ты не злишься?

Дэниэл опешил и, невольно припомнив и гневливого фермера, и великодушную Планиitia, сдержанно ответил:

– Нет, не злюсь.

Весело оросив мальчика красочным лиственным дождём, Килл приблизилась к нему и, коснувшись руки Дэниэла, поцеловала его.

Поцелуй был настолько лёгким и неожиданным, что Дэнни даже не смог сразу ощутить его и понять, каким же он был на самом деле. Постепенно, под ожидающий взгляд девочки, всё это время безотрывно смотрящей на гостя, к нему приходило шаткое осознание того, что этот украденный поцелуй всецело, ещё и до этого дня принадлежал только ей, хотя Дэниэл, и, возможно, сама Килл не имели об этом ни малейшего понятия. Дэнни понял, что теперь он не сможет забыть его, свой первый, такой безгрешный поцелуй, но не потому, что он был первым, а потому, что он породил в его душе некое подобие любви, пробудил в нём неизведанную нежность и трепет, которые бережно охватывали всё его естество, наполняя сердце новыми чувствами...

– Обед начинается, идите в дом, – позвал детей Лаухейт и снова скрылся за дверью.

Настало время праздника.

На торжественно накрытом столе было полдюжины тарелок и мисок, наполненных различной пищей: были яблоки и ягоды, рассыпанные в блюдах, и запечённый картофель, от которого ещё тянулся горячий пар, и принесённый Дэнни тыквенный пирог, украшенный аппетитными узорами кленового сиропа, и, конечно же, индейка, величаво красовавшаяся в самом центре осенней композиции.

Сидя за столом, Долус бесстрастно пересчитывал горошины в своей тарелке, а сидящая напротив брата Иварития с нетерпением уже начинала трапезу стаканом лимонада. Лаухейт сидел с краю. Килл и Дэнни, последовав примеру близнецов, также устроились друг напротив друга. Только одно место осталось свободным – место хозяйки.

...Она была настолько яркой, что любая тьма не посмела бы коснуться её, так гармонична, что каждый цветок по сравнению с ней казался чуть угловатым и уже не таким совершенным, она была так по-королевски величественна, но в то же время лишена всякой надменной уродливости – сейчас, она являла собою воплощение истинного идеала... Планиitia, так девственно добродетельна в своей кроткой улыбке, так женственна в своём сине-зелёном платье с бежевыми кружевами...

Обед начался с благодарной молитвы Господу и Матери-земле за пищу, что предстояло вкушать. Планиitia в немом повиновении сложила руки и, закрыв глаза, нашёптывала слова благодарения, всецело вдыхая в них всю свою душу. Долус скептически резал яблоко и, вытащив из сердцевинки крошечного червя, без жалости раздавил его между пальцами, внимание Иваритии было приковано исключительно к тыквенному пирогу, манящего её аппетитной кремовостью, Килл безучастно стучала ножом о вилку, вызывая отвратительный скрежет, а Лаухейт, проигнорировав презрительные взгляды младших домочадцев, просто вышел из комнаты.

–...Спасибо тебе, Отец... – покончив с молитвой, Планиitia поднесла к губам бокал, наполненный рубиновым вином, но не успела сделать и глоток, как, побледнев, упала на пол, точно поверженная пешка, и не пригубленный напиток окропил краснотой её прекрасное платье.

В этот самый час Планития обвенчалась со Смертью¹⁰, стала его законной и любимой Вечной женой...

– Здорово! – плотоядно воскликнула Килл и, слизывая с ножа остатки соуса, подбежала к незащитному трупу матери. – Господь услышал её!

Она и Иварития с демонической одержимостью срывали с мёртвой Планитии её последний траурно-венчальный наряд, бесстыдно оголяя материнское тело, а подоспевший Долус только смотрел на них, и в его сухих глазах с каждой минутой разгоралось преступное любопытство.

Денни не мог и шелохнуться, и лишь когда Килл вонзила нож в молочную кожу покойной, он закричал:

– Хва-а-ти-и-т!!!

Но никто не слушал его, никто не хотел слушать...

Пока Иварития довольно перебирала рваные лоскуты синих и зелёных тканей, Килл с дурманным наслаждением изучала новую игрушку, выпуская из её чрева жертвенную кровь и обнажая плоские кости. Податливую кожу Планитии Килл безжалостно срывала, играючи растягивала, погружала в уходящую теплоту тела свои руки, пятная их багровыми следами убийства, вместе с тем невольно развлекая и склонившегося над ней Долуса, который вдумчиво смотрел на вырванные внутренности, вероятно находя их весьма привлекательными для детального изучения. Неисследованный образец, покорная игрушка из плоти и крови – их родная мать, их нелюбимая мать...

– Давайте представим, что сегодня Рождество! – сказав это, Килл со смехом заголосила: – С Рождеством! С Рождеством! С Кровавым Рождеством!

Накинув на плечи яркие обрывки ткани, Иварития весело задвигалась в такт сестринской песне и, кружа вокруг осквернённого трупа, подпевала:

– С Кровавым Рождеством!

Столовым ножом раздробив на кусочки содранную кожу Планитии, Килл начала возбуждённо подбрасывать её:

– Смотрите, Снежинки! Разве не красиво? Тёплые снежинки, снежинки из плоти!

Не помня себя, Дэнни тщетно попытался отобрать у Килл её столовое орудие, но получил от девочки нечаянную рану, располозовавшую запястье.

– Если хочешь, ты тоже можешь стать моим подарком... – Килл бросила мальчику несколько «снежинок». – На следующее Рождество!

Её чудовищный гогот сливался с поющим голосом Иваритии, порождая истинную песню их прогорклых душ, Долус же оставался по-прежнему безразличным к веселью сестёр, полностью увлечшись лежащей пред ним бездушной оболочкой.

– Монстры! – задыхаясь от отчаяния, Дэниэл выбежал из комнаты.

В безнадежных метаниях он окликнул спускающегося с лестницы Лаухейта, но тот был неизменно холоден и глух, и, поправив свои излюбленные чёрные очки, парень выдохнул:

– Пусть делают что хотят. Мне всё равно.

Вконец поверженный и разбитый Дэнни покинул ужасный дом Марретов, оставив праздничное торжество безумия позади....

Он бежал по безлюдным, облитым сумраком дорогам, бесплодно связывая в памяти каждую секунду этого абсурдного дня и, увидев двоих патрульных, лениво прогуливающих вдоль домов, не раздумывая бросился к ним:

– Пожалуйста, помогите!..

Мальчик, изо всех сил преодолевая давящее рыдание, бессвязными обрывками рассказывал о случившемся в доме Маррет, и, закончив объяснения, спасительно посмотрел на мужчин.

Но они были абсолютно неподвижны, бессловесны, их лица ничего не выражали и были лишены всяких живых отметин, особенных черт, кроме, пожалуй, одной: их глаза с бесславной трусостью прятались за модными чёрными очками...

– Тётя Сэм! – с лихорадочной истерикой Дэнни ворвался в дом, – Тётя Сэм, они убили её! Папа, мама, они – убийцы!

Но ни разрезающий запечённую индейку отец, ни мать Дэниэла, чья кожа была мягко обласкана южным солнцем, так и не услышали его, будто их сына и вовсе не существовало. Одна только Саманта, слышавшая вопли ребёнка, наспех обернула голову потрёпанным платком и, бережно утерев слёзы племяннику, вышла с ним.

– Прекрасное мясо, – ненасытно заглатывая праздничное кушанье, сказал отец Дэнни.

– Тогда отрежь ещё, – осушив бокал, его жена задорно усмехнулась: – Сегодня можно. Впрочем... как и всегда.

¹⁰ В английском языке «Смерть» (как персонаж) имеет мужской род, а не женский.

И они продолжали поглощать еду, продолжали смеяться, не замечая ничего, сквозь мрачную пелену затуманивающих их взгляд модных стёкол. Чёрных стёкол. Всеобщих стёкол...

У Марретов всё ещё горел свет, хотя в помещении не было никого, кроме растерзанного трупа. Нигде не было жизни, дом объял похоронный покой.

– Иди... – дрожащими шагами приближаясь к осквернённому телу, просила племянника Саманта. – Сумей найти помощь...

– У кого?!

– У тех, кто ещё видит солнце... Белое солнце...

С размытым сомнением Дэнни всё же последовал словам тёти и оставил её, также как и оставил с нею свою веру в справедливое солнце. Ведь вечером, даже эта великая звезда остывает, и, незатейливо следуя моде, тоже одевает на мир огромные чёрные очки...

– Теперь, ты можешь быть покойна... – плача, Саманта с обречённой покорностью гладила исцарапанное, покрытое кровотокающими трещинами, лицо Планитии и прижимала к груди разодранный труп: – Ты слишком сильно любила их и где они теперь?! Твои любимые дети!.. Твои жестокие дети...

... Тётя Сэм умерла через девять лет. Её уход был абсолютно незаметным и невзрачным – она скончалась за закрытой дверью собственного дома, по обыкновению вернувшись туда с фабрики. Чтобы отдохнуть, просто уснуть. Навсегда.

Эпилог

В Мортемфилде стало ещё тише – весь город утонул в гибельной тишине и даже редкий задорный визг детей, играющих у школы или подстреливающих птиц, не мог возродить давно утраченную жизнь. Ничего не изменилось, только солнце уже не согревало, как прежде, застывший на губах Дэниэла холод обмана.

Он снова приехал сюда, и, вдохнув, снова впустил в себя и удушливую пыль дороги, и памятный запах скуки, и горькую терпкость отчаяния – и всё это смешивалось в душе юноши с его собственной, до боли опостылевшей композицией одиночества. Вечного одиночества. Осознанного одиночества. Заслуженного одиночества...

Дети, которых он увидел у школы – два мальчика и девочка, на миг напомнили Дэниэлу то время, когда он, хоть и несмело, но мог назвать себя счастливым. И не потому, что он был ребёнком, а потому, что его окружали друзья, пусть и недолго. Даже сейчас он так и не сумел понять, были ли Марреты его настоящими друзьями, однако Дэнни всё равно остался им очень благодарен за те моменты, когда улыбка появлялась на его детском лице, и весь мир становился ярче только из-за очередной авантюрной затеи. Но он так и не смог простить убийство Планитии, ни её детям, ни патрульным, ни собственным родителям, ни себе самому...

Дэнни медленно шёл мимо зданий и домов, которые за столько лет утратили знакомый облик и смотрелись какими-то чужими и совсем ненастоящими, карикатурными, как выгоревшие старые декорации. Всё вокруг для него было тёмным и грязным, даже небо, искажённое в его глазах стёклами тёмных очков. Да, теперь он тоже – носитель глупой всеобщей моды, так странно начавшейся именно в этом крошечном городке.

Ему было неважно куда идти, он просто делал поворот за поворотом и каждый раз выходил к своим увядающим воспоминаниям. Но он уже не чувствует ни боли, ни сострадания к ним. Он оставляет их умирать. Ему теперь всё равно.

«Здравствуй... Я скучал», – с мирной усталостью скажет он надгробию и, положив на могилку несколько белых роз, мягко коснётся фотографии тетушки Сэм. Затем подарит цветы Планитии, чья светлая красота давно померкла под тяжёлой земляной насыпью.

«Спасибо Вам», – попрощается Дэниэл и, стерев ностальгическую улыбку, пойдёт дальше, чтобы никогда больше не вернуться в чуждый окружающий его мир.

Изменился и несчастливый дом Марретов, померкнувший фасад которого день за днём так же постепенно старел и тлел вместе со своим дряхлым нутром, как и весь остальной город. Выцвели краски, потускнели окна, но почему-то в холодных комнатах всё равно ощущалась горечь давнишней трагедии. Словно это произошло так недавно. Почти вчера. Почти сегодня...

Пятна крови на иссушенных половицах – напоминание о наполненной любовью материнской жертвенности. Чёрная надпись на стене «Поиграй со мной» – лишь мольба, жалкая мольба молодой измученной души, пришедшей сюда, чтобы в забвении принять свой горький покой... Его игра окончена и теперь он просит поиграть собой, как позабытой игрушкой, чтобы забыть, чтобы не чувствовать, чтобы больше не знать...

– Я ждала тебя...

Дэниэл обернулся, в полумраке комнаты неуклюжими шагами приблизился к девушке и с тоскливой благодарностью обнял её:

– Спасибо... Килл...

Вся ничтожная слабость, от которой он так упорно отрекался, наконец, победно ликовала, спрятавшись паразитом в юном заражённом сердце. И чем больше она радовалась, тем большей болью пропитывались слёзы, стекающие с лица Дэнни. Горькие слёзы... Виноватые слёзы... Обречённые слёзы...

А Килл улыбалась в загадочном молчании и ловила каждый вдох парня: отчаянный, усталый, разочарованный, молящий о чуде, молящий о спасении...

– Успокойся... Тебе они больше не нужны... – девушка аккуратно сняла с Дэниэла тёмные очки, и он увидел выходящих из размытой тени и Лаухейта, и Долуса с Иваритией, повзрослевших, утомлённых, опустошённых, почти безжизненных...

Дэнни долго смотрел в их опустевшие глаза, пытаясь отыскать в них что-то утраченное, и ещё раз взглянув на Килл, тихо, как-то беспомощно попросил:

– Можно мне снова... поиграть вместе с вами?..

С сожаляющими полуулыбками Марреты переглянулись. У дверей комнаты послышались шаги – из вездесущей тени к ним приближалась женщина.

– Планиция?.. – взволнованно выдохнул Дэнни.

– Нет, – Килл взяла его за руку, – это – наша новая мама. Самая лучшая и красивая мама на свете! Здравствуй мамочка!

Лаухейт, Долус и Иварития тоже поздоровались с мамочкой. Она же, с довольной надменностью, только кивнула.

Тёмные волосы, чёрное платье, ледяные глаза, лицо, будто точёная бледная маска – всем этим и была их новая мать. Глядя на неё, Дэнни невольно вспоминал всю теплоту, мягкость и свет Планиции и в глубине души очень раскаивался за то, что готов предать ту, что так желала жизни и ему, и своим детям и всему миру. Но она – мертва... А значит, и жизнь тоже.

– Теперь ты можешь поиграть вместе с нами по-настоящему, – обрадованно сказала Килл. – Потому что ты стал таким же, как и мы, одним из нас...

– И отныне имя тебе будет Айн¹¹, – произнесла женщина и оглядела всех своих детей.

Дэниэл понял: настало время их последней игры.

Лаухейт начал первым: встав возле матери, протянул руку Долусу, тот же, не отпуская руки брата, протянул вторую руку Иваритии, а она уже пригласила Килл встать в маленький хоровод. Дэнни последовал за Килл и Лаухейт замкнул цепь.

В центре их круга женщина громко запела, наполняя весь дом пугающим, мертвенным эхом...

Один за другим, рука об руку эти дети, падали к самым её ногам, словно поражённые шахматные фигуры. Лаухейт... Долус... Иварития... Килл... Айн...

И отдав души этой бесконечной материнской песне, они медленно обретали свой новый, убийственный рай...

22.06.2016 – 08.08.2017

Уважаемые читатели! Если вы хотите, чтобы ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков или присылайте файлы на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru.

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объёма, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если ваше произведение прошло конкурс, однако вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

Редколлегия

¹¹ Айн (сокр. от нем. die Einsamkeit) – одиночество (само же слово «Ein» в нем. яз. означает «один»).

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭЗИЯ

Баградава Т.	
Ля скрыжавання вечнасці і смерці	3
Успаміны ў золкай і звонкай цішы	3
Шыпіла Н. Гаманіла Мроя з Марай.....	3
Гугнин А.	
На крыльях метели мечты прилетели.....	4
На Полоте есть дивные луга	4
Прощай тоска! Уймись печаль!	4
Так, легко играясь	4
Мечта приходит и уходит	4
Гимн единству	4
Жизнь прекрасна. Каждый день – это чудо!	5
Милая, так я сегодня хотел услышать твой голос	5
Родина	5
На палатку, где пиво я пью	5
Что-то капает ночью	5
Снова жизнь прорастает из корня	5
Красота, красота-то какая	6
Дохнуло осенью. Но зелены деревья.....	6
Встаёшь с рассветом, бодрый и весёлый.....	6
Мальцев В.	
Там, по-прежнему, мяч в игре	7
Службу несу за стеклянной стеной	7
Нам всем отмерян точный срок.....	7
С годами краше не становимся	7
Память наша - бездонная яма	7
Хлещет дождь, как из ведра	7
Прохладой вечер радует	7
Я радостью своей ни с кем не поделюсь	7
Мне сегодня взгрустнулось немножко.....	7
Тихо ветка качается.....	7
Опять осенняя хандра.....	7
Увы, не просто быть любимым.....	7
Снова пасмурно и грустно.....	7
Опять осенние дожди	7
Марданов А.	
Зрелище.....	8
Нельзя быть старше мертвецов	8
Шуханкова М.	
Полюшко... долина	9
Девочка моя старушка	9
Июнь	9
Ковалёва Т.	
Михайловская осень.....	10
Туман	10
Эмоцио и Рацио	10
Цветки смородины.....	11
Две строки	11
Просто	11
Шабанова Р.	
Танец жизни.....	12
В лица не глядя	12
Тогда	12

Гиль М.	
<i>Я – блики солнца на твоём лице</i>	12
<i>Ближний</i>	12
Венгура Л.	
<i>Тебе</i>	13
<i>Лети, душа моя, не падай!</i>	13
Мозго А.	
<i>Время пса и волка</i>	14
<i>Во сне сегодня увидал</i>	14
<i>Когда влечение настолько велико</i>	14
<i>В царстве теней бреду по аллее</i>	14
<i>Я сегодня выпью кофе с небом</i>	14
<i>Сердце, камнем будь</i>	14
Скуев О.	
<i>Мотылёк</i>	15
<i>В тусклом свете зала ожидания</i>	15
<i>Опавший яблоневый сад</i>	15
Островский Е.	
<i>Рене Декарт, ты был не прав</i>	15
<i>Цветы для Элджернона</i>	15
ПРОЗА	
Лабовкин Д. <i>Есть ли у художественной литературы будущее?</i>	16
Генджаева Е. <i>Предновогодняя неразбериха. Начало</i>	18
Андреева И., Шидловский С <i>Нарядный Зяблик и его друзья: продолжение</i>	19
257ст. <i>Трещина</i>	22
Колобова И. <i>Игра</i>	24

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 9

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*

Компьютерная верстка *А.И. Мозго*

Дизайн обложки *Е. Мясниковой*

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 5,11. Уч.-изд. л. 3,4. Тираж 50 экз. Заказ 1491.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.